

Торжественное открытие памятника
**«СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ-ПОБЕДИТЕЛЮ
ОТ БЛАГОДАРНЫХ ПОТОМКОВ»**
Автор проекта: Мединский Р.И.,
скульптор: Стритович Д.А.

Село Устье
Мичуринского
муниципального округа
Тамбовской области
22 июня 2019 года

ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

РОССИЙСКОЕ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ИСТОРИЯ.РФ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
**ИДЕОЛОГИЯ
БУДУЩЕГО**

ИЮНЬ
№ 21
2026

СОХРАНЯЕШЬ ПРОШЛОЕ - ЗАЩИЩАЕШЬ БУДУЩЕЕ

Российское военно-историческое общество

ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ,
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОССИЙСКОЕ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ИСТОРИЯ.РФ

2026, №21

ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

Учредитель: Российское военно-историческое общество

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-84933 от 21 марта 2023 г.

Индексируется РИНЦ

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Таньшина Наталия Петровна – профессор института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор исторических наук

Заместитель главного редактора:

Казначеева Ирина Алексеевна – доктор социологических наук, Советник Председателя Российского военно-исторического общества;

Ответственный секретарь:

Будунов Ибрагим Маратович – заместитель директора Департамента региональной политики Российского военно-исторического общества

Кононов Владислав Александрович – референт Управления Администрации Президента РФ по государственной политике в гуманитарной сфере, кандидат исторических наук, член Центрально совета Российского военно-исторического общества;

Мединский Ростислав Игнатьевич – Советник Председателя Российского военно-исторического общества;

Назаров Андрей Владимирович – Советник Председателя Российского военно-исторического общества;

Шполянский Денис Валентинович – член Научного Совета Российского военно-исторического общества

СОДЕРЖАНИЕ:

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ЗАЩИТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРАВДЫ

Шойгу А.А., Будунов И.М. Сохранение исторической памяти и формирование национальной идеи: итоги VI Межрегионального методического семинара «Лучшие практики деятельности патриотической и военно-исторической направленности	4
К 85-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	
Герасимов Г.И. Красная Армия в 1941 году: незавершенная мощь и причины поражений начального периода войны	8
Захаров Д.А. Дети войны в тыловом регионе (на материалах эвакуированных в Чувашию детских учреждений) (г. Чебоксары)	17
Носков В.Ю. Образы детей и детства в советской пропаганде начала Великой Отечественной войны (июнь–декабрь 1941 г.)	25
Рубцов Ю.В. В Ставке ВГК сходились все нити стратегического управления Вооруженными силами СССР в годы войны	33
КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ И СМЫСЛЫ ЭПОХ	
Казначеева И.А. Книга как культурный феномен. О пользе чтения	40
Митин С.Г. Победа над Швецией. Отрывок из книги «Аракчеев - 200 лет спустя»	45
Аверьянов К.А. Как книга М.Е. Салтыкова-Щедрина оказалась в библиотеке Маркса?	49
ЦИФРОВОЙ ФРОНТ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ	
Таньшина Н.П. Информационные войны в прошлом и настоящем	56
Куршева Г.А., Пахмутова Е.Д. Искусственный интеллект: вчера, сегодня, завтра	66
Дорофеев И.Ф. Отстаивая национальную версию трактовки истории	75
КАРКАС ЭПОХИ: ОТ ЗДАНИЙ ДО ИДЕЙ	
Атаев А.В., Сидоров Д.С. Ансамбль Первого военного госпиталя в Москве (XVIII – начало XIX вв.): историко-архитектурный и институциональный анализ	80

РОССИЙСКОЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ЗАЩИТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

Шойгу Аяна Алексеевна,
директор Департамента
региональной политики РВИО

Shoigu Ayana Alekseevna,
Director of the Department of
Regional Policy at the Russian
Military History Society

**Будунов
Ибрагим Маратович,**
заместитель директора
Департамента региональной
политики Российского военно-
исторического общества
(г. Москва)

**Budunov
Ibragim Maratovich,**
Deputy Director of the
Department of Regional Policy
at Russian Military History
Society (Moscow)

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: ИТОГИ VI МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ И ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ»

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY AND FORMATION OF THE NATIONAL IDEA:
RESULTS OF THE VI INTERREGIONAL METHODOLOGICAL SEMINAR "BEST PRACTICES
IN PATRIOTIC AND MILITARY-HISTORICAL ACTIVITIES"

Аннотация: В Архангельске завершился VI Межрегиональный методический семинар Российского военно-исторического общества, объединивший более ста делегатов из 75 регионов России. Ключевыми темами стали патриотическое воспитание молодёжи, мемориализация военно-исторического наследия и поддержка участников специальной военной операции. Участники обсудили лучшие региональные практики – от организации военно-патриотических лагерей до восстановления мемориалов. Семинар подтвердил, что сохранение исторической памяти требует системной работы на местах, а пример Архангельска с памятником Детям войны стал яркой иллюстрацией этой работы.

Ключевые слова: Российское военно-историческое общество, Историческая Память, регионы России, лучшие практики, патриотическое воспитание, Национальная Идея.

Abstract: The VI Interregional Methodological Seminar of the Russian Military Historical Society, which brought together more than a hundred delegates from 75 regions of Russia, has ended in Arkhangelsk. The key topics were the patriotic education of young people, the memorialization of military historical heritage and the support of participants in a special military operation. The participants discussed the best regional practices – from the organization of military-patriotic camps to the restoration of memorials. The seminar confirmed that the preservation of historical memory requires systematic work on the ground, and the example of Arkhangelsk with a monument to the Children of War was a vivid illustration of this work.

Keywords: Russian Military Historical Society, Historical Memory, regions of Russia, best practices, patriotic education, National Idea.

«Российское военно-историческое общество не просто стоит на защите Исторической Памяти, но и формирует в Стране тот политический и нравственный климат, который так необходим нашему обществу»

Ростислав Мединский

Слова Советника Председателя РВИО предлагают действительно задуматься о той масштабной деятельности, которую реализует Общество по всей Стране. Именно такая – содержательная, объединяющая, системная работа была в центре внимания VI Межрегионального методического семинара РВИО «Лучшие практики деятельности патриотической и военно-историче-

ской направленности», прошедшего в Архангельске с 21 по 24 мая 2026 года.

Мероприятие, собравшее более ста делегатов из семидесяти пяти регионов России, по праву считается одним из ключевых событий в сфере Патриотического воспитания. Объединив историков, педагогов, музейных работников, представителей власти и ветеранских организаций, семинар подтвердил высокий статус площадки для обсуждения вопросов сохранения военно-исторического наследия и выработки стратегических решений.

Стоит отметить, что работа ведётся не только Исполнительной дирекцией РВИО, но и 89 региональными отделениями (71 из которых имеет

юридическое лицо). Местных отделений – 910. Численность Общества – 31 345 человек. И все они – от руководителя до рядового члена – являются тем двигателем Патриотизма, который превращает слова о защите Исторической Памяти в реальные дела.

Наглядным воплощением этого единства стала торжественная церемония открытия Семинара. Она началась с возложения цветов к Памятнику юнгам Северного флота и Вечному огню на площади Мира. Вместе с представителями РВИО, которых возглавлял заместитель начальника Управления Президента РФ по Государственной политике в гуманитарной сфере, заместитель Председателя РВИО Николай Овсиенко, в церемо-

нии участвовали Правительство Архангельской области, курсанты Арктического морского института и воспитанники морского кадетского корпуса. Этот жест стал не просто данью уважения подвигу Юных защитников Родины в годы Великой Отечественной войны, но и зримым символом преемственности поколений – **основы Государственной Политики по формированию Национальной Идеи.**

Важно, что местом проведения семинара был выбран Архангельск. Этот город – не случайная точка на карте: здесь уже несколько лет успешно работает Региональное отделение РВИО, чей опыт признан одним из лучших и заслуживает тиражирования в других субъектах Федерации.

Итогом этой системной работы стал и уникальный Памятник, открытый в Архангельске в 2019 году. Монумент, посвящённый Детям Великой Отечественной войны, демонстрирует принципы мемориализации подвига Юных защитников Родины. Он появился по инициативе Советника Председателя РВИО Ростислава Мединского, поддержавшего обращение Архангельского областного и городского Советов ветеранов.

Эта скульптурная композиция – дань памяти юным северянам, тем, кто в суровых военных условиях заменил взрослых в поле и на предприятиях, а порой нёс вахту на боевом посту. В основе памятника – метафора пирса,

по которому идут дети: **мальчик-юнга и девочка**, везущая сани с рыбой. Прообразом девочки стала ветеран Великой Отечественной войны, труженица тыла Валентина Ивановна Пакулина. Когда началась война, ей было всего двенадцать лет. И сегодня Валентина Ивановна продолжает вести активный образ жизни: пишет книги, встречается с детьми и молодёжью, рассказывает о том, что ей довелось пережить в её возрасте.

В рамках инициативы «Российское военно-историческое общество фронту» осуществляются ремонт техники и ее отправка в зону СВО. Уже направлено более 300 машин.

Сегодня Памятник стал местом притяжения для людей всех возрастов – здесь всегда лежат живые цветы. Этот пример наглядно показывает, как работа РВИО на местах превращает абстрактные понятия «сохранение памяти» в осязаемые, эмоционально близкие каждому символы.

Именно эти вопросы – как превращать память в дело, как выстраивать системную работу на местах – стали главными в деловой програм-

ме семинара. Она включала пленарную сессию и тематические секции. В центре внимания оказались три главных направления: патриотическое воспитание молодёжи, мемориализация военно-исторического наследия, а также поддержка участников специальной военной операции и жителей освобождённых территорий.

На пленарной сессии Первый заместитель губернатора – председатель Правительства Архангельской области Алексей Алсуфьев назвал мероприятие важным звеном в масштабной работе по укреплению гражданской идентичности.

«Региональное отделение общества надёжный партнёр в реализации военно-патриотических проектов: фестивалей, мероприятий по сохранению и популяризации объектов исторического наследия периода интервенции и Великой Отечественной войны, – сообщил Алексей Владимирович. В рамках инициативы «Российское военно-историческое общество фронту» осуществляются ремонт и отправка в зону специальной военной операции техники, уже направлено более 300 машин. Благодаря обществу и неравнодушным землякам передается материальная помощь, эта работа будет продолжена»¹.

В ходе Пленарного заседания, по поручению Председателя РВИО Владимира Мединского, состоялось награждение представителей

¹ Российское военно-историческое общество: сайт. Москва. URL: <https://rvio.ru/activities/news/seminar-rvio-sobral-predstavitelej-70-regionalnyh-otdelenij?ysclid=mqqaenamno217609334> (дата обращения: 01.06.2026 г.)

региональных отделений, внёсших большой вклад в сохранение Истории страны. Медалью «800 лет со дня рождения князя Александра Невского» был награждён Советник губернатора Архангельской области, председатель Регионального отделения РВИО Сергей Ковалев.

В рамках секции «Построение системы военно-патриотического воспитания молодежи» участники представили лучшие региональные практики организации военно-патриотических лагерей, профильных смен и образовательных мероприятий. Особое внимание уделялось взаимодействию региональных отделений РВИО с образовательными организациями и молодёжными объединениями.

Не менее значимой стала Секция «Мемориализация и популяризация военно-исторического наследия». Её участники обсудили создание памятников и мемориальных комплексов, проведение военно-исторических фестивалей, развитие музейной и выставочной деятельности. Участники подчёркивали, что именно такие «точки памяти», как памятник детям войны в Архангельске, становятся основой для воспитательной работы – местом, где теория встречается с живой историей. Отдельный блок был посвящён цифровым ресурсам, в том числе наполнению глав-

ного исторического портала страны «История.рф».

Семинар стал площадкой для презентации успешных проектов региональных отделений. Так, представители Донецкой Народной Республики поделились опытом реконструкции мемориала «Шахта № 4/4-бис», восстановления мемориального комплекса «Саур-Могила». Эти примеры наглядно демонстрируют, что деятельность общества выходит далеко за рамки сугубо научной работы, играя важную роль в восстановлении исторической справедливости.

VI Межрегиональный методический семинар в Архангельске наглядно подтвердил: сохранение Исторической Памяти невозможно без конкретных дел – от установки Памятников, подобных монументу Детям войны, до системной работы с молодёжью и реальной помощи фронту. Участни-

ки форума не только обменялись опытом, но и наметили пути дальнейшего развития системы Патриотического Воспитания, основанной на подлинных исторических фактах и героических традициях многонационального народа России.

Участники Семинара единодушно сошлись во мнении: современная патриотическая работа представляет собой комплексную межведомственную и межрегиональную задачу. Было подчёркнуто, что каждый Памятник, каждый Семинар и каждая живая практика передачи Памяти являются неразрывными звеньями единой цепи, соединяющей прошлое, настоящее и будущее Страны. Формирование сильной Национальной Идеи, опирающейся на уважение к Отечественной истории и защиту Исторической Правды, невозможно без сохранения этой связи.

К 85–ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Герасимов
Григорий Иванович,
доктор исторических наук,
доцент*

*Gerasimov
Grigory Ivanovich,
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor*

КРАСНАЯ АРМИЯ В 1941 ГОДУ: НЕЗАВЕРШЕННАЯ МОЩЬ И ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЙ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ВОЙНЫ

THE RED ARMY IN 1941: UNFINISHED POWER AND THE CAUSES OF DEFEATS IN THE INITIAL PERIOD OF THE WAR

Аннотация. В статье рассматриваются причины поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. Автор показывает, что их нельзя объяснить только внезапностью нападения, репрессиями командного состава, технической отсталостью или общей неподготовленностью СССР к войне. К 1941 году Советский Союз создал крупную, технически насыщенную и материально обеспеченную армию, располагал мобилизационными запасами и системой развертывания. Однако Германия нанесла удар заранее отмобилизованной и развернутой армией, тогда как Красная Армия встретила войну в состоянии неполного развертывания, технического перехода, кадрового перенапряжения и несвоевременного приведения в полную боевую готовность. Делается вывод, что главной причиной поражений стало

несоответствие между характером германского удара и состоянием советских вооруженных сил 22 июня 1941 года.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, РККА, начальный период войны, 1941 год, мобилизационная готовность, вооружение, командные кадры, репрессии, вермахт.

Abstract. The article examines the causes of the Red Army's defeats in the initial period of the Great Patriotic War. The author argues that these defeats cannot be explained solely by the surprise of the German attack, the repression of command personnel, technical backwardness, or the general unpreparedness of the USSR for war. By 1941, the Soviet Union had created a large, technically equipped, and materially supplied army, with mobilization reserves and a deployment system. However, Germany struck

with an already mobilized and deployed army, while the Red Army met the war in a state of incomplete deployment, technical transition, personnel strain, and delayed full combat readiness. The article concludes that the main cause of the defeats was the mismatch between the nature of the German strike and the actual

condition of the Soviet armed forces on June 22, 1941.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, initial period of the war, 1941, mobilization readiness, armaments, command personnel, repressions, Wehrmacht.

1. ВВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМА 22 ИЮНЯ

22 июня 1941 года стало не только началом Великой Отечественной войны, но и одной из ключевых проблем отечественной военной истории. Красная Армия, создававшаяся в предвоенные десятилетия как массовая, технически оснащенная и способная к большой войне сила, в первые месяцы войны потерпела тяжелые поражения. Возникает главный вопрос: почему армия, обладавшая значительным военным, материальным и мобилизационным потенциалом, оказалась не в состоянии успешно отразить первый удар вермахта?

Ответ на этот вопрос нельзя свести к одной причине: внезапность нападения, просчеты военно-политического руководства, последствия репрессий, недостатки подготовки командного состава, технические проблемы, слабости управления и незавершенность развертывания армии — все это имело значение¹. Но каждое из этих пространственных в литературе

объяснений, взятое отдельно, неизбежно упрощает картину. Оно либо преувеличивает один фактор, либо не позволяет увидеть всю систему причин, приведших к катастрофе начального периода войны.

Нельзя объяснять поражения 1941 года и одной лишь общей «неподготовленностью» СССР к войне². Советский Союз готовился к большой войне последовательно и масштабно. Были созданы крупные вооруженные силы, накоплены мобилизационные ресурсы, проведено техническое перевооружение армии, развивалась система подготовки кадров и мобилизационного развертывания. Уже сам факт, что СССР выдержал удар Германии, сохранил государственное управление, восстановил фронт и в конечном счете победил, показывает: речь не может идти о полной военной несостоятельности страны.

Главная проблема заключалась в другом. Германия начала войну ударом заранее отмобилизованной, развернутой и имевшей боевой

опыт армии. Красная Армия встретила этот удар в состоянии незавершенного развертывания, организационной перестройки, технического перехода и неполного приведения в боевую готовность. Поэтому катастрофа 1941 года объясняется не общей слабостью СССР и РККА, а несоответствием между характером германского удара и тем состоянием, в котором советские вооруженные силы встретили войну.

Именно это противоречие и будет рассмотрено в статье: сильная армия, созданная для большой войны, оказалась не готова к той конкретной форме начала войны, которую навязала Германия 22 июня 1941 года.

2. СССР И РККА ПЕРЕД ВОЙНОЙ: НЕ СЛАБОСТЬ, А НЕЗАВЕРШЕННАЯ МОЩЬ

К началу Великой Отечественной войны РККА была одной из крупнейших и наиболее технически насыщенных армий мира. По общей численности вооруженных

¹ Арцыбашев В. А. Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной Армии в 1931-1941 гг. М.: Ипполитов, 2004. 71 с.; Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. М.: Наука, 2001. 230 с.; Гланц Д. Восставшие из пепла: как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М.: Яуза: Эксмо, 2009. — 543 с.; Некежин В. А. «Если завтра в поход ...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. — М.: Эксмо, 2007. — 317 с

² Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? //Вестник МГИМО-Университета. 2011. №2(17). С. 96- 108. С. 107.

сил Германия превосходила СССР: советские вооруженные силы насчитывали 5373 тыс. человек, германские — 7254 тыс. человек. Однако по основным видам вооружения соотношение было иным. Советская артиллерия имела 112 тыс. орудий и минометов против 61 тыс. немецких, а с учетом армий союзников Германии — 73 тыс. стволов. В СССР имелось около 23 тыс. танков, у Германии — более 10 тыс. ВВС РККА насчитывали около 15 тыс. боевых самолетов против примерно 10 тыс. немецких самолетов, включая резервные и учебные.³

Эти цифры показывают, что СССР создал огромную материальную базу для ведения большой войны. По более чем 30 показателям, отражавшим обеспеченность мобилизационного развертывания армии вооружением, боевой техникой, боеприпасами, транспортом, техническими средствами и вещевым имуществом, РККА находилась в предвоенный период в лучшем состоянии, чем когда-либо прежде⁴.

Но эта мощь была незавершенной и противоречивой. Особенно это видно на примере вооружения и боевой техники. Артиллерия была наиболее устойчивым эле-

ментом боевой мощи РККА. Ее количество резко выросло: если в 1925 году в армии было 10069 орудий и минометов, то к июню 1941 года — 110444. При этом значительная часть артиллерийского парка была устаревшей⁵, но это не означало его непригодности: артиллерийские системы старели медленнее, чем самолеты и танки, и сохранять боевое значение при правильной организации огня, снабжения и управления..

В танковых войсках противоречие было более острым. СССР имел гигантский танковый парк: накануне войны в РККА было 23276 танков, из них 2230 относились к современным, а 21046 — к устаревшим. Танковый парк вермахта был значительно меньше — 5891 танк, из которых современных Т-III и Т-IV было не более 1937⁶. Следовательно, Германия не имела ни количественного, ни безусловного качественного превосходства в танках. Проблема РККА заключалась не в отсутствии техники, а в том, что огромный старый парк уже морально устарел, а новые Т-34 и КВ еще не были полностью освоены войсками и включены в устойчивую систему применения крупных механизированных соединений.

Наиболее уязвимой областью была авиация. В 1940 году авиапарк ВВС РККА был крупнейшим в мире и насчитывал 12692 самолета, но только 34% самолетов относилось к современным⁷. Новые ЛаГГ-3, МиГ-3 и Як-1 были поставлены на производство в 1940 году, а массовое производство развернулось лишь в 1941 году; к началу войны они еще не были достаточно освоены личным составом и имели технические недостатки.

Таким образом, предвоенная военно-техническая политика СССР дала огромный результат: армия была насыщена артиллерией, танками и авиацией. Но ставка на массовое производство техники имела и оборотную сторону. Военная техника XX века быстро устаревала; то, что в середине 1930-х годов было современным, к 1941 году во многом уже не соответствовало требованиям новой войны. Поэтому СССР встретил войну не слабой страной, а державой с огромной, но незавершенной мощью: старой техники было много, новая уже появилась, но еще не была полностью освоена, а материальная сила армии не всегда успевала превращаться в боевую эффективность.

³ История отечественной артиллерии. Т.3., Кн. 8. Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921–июнь 1941г.). М.-Л., 1964; История второй мировой войны 1939-1945 гг. Т.3; Боевой и численный состав ВС СССР в период Великой Отечественной войны /1941–1945 г. – Сб. №1. М., 1994.

⁴ См.: Герасимов Г.И. «Мобилизация есть война...» // Воен.-ист. журн. 1999. №3. С.2-13.

⁵ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне. М.–Тула, 1977. С.232-233.

⁶ РГВА, ф.31811, оп.2, д.602; д.493; Боевой и численный состав ВС СССР в период Великой Отечественной войны /1941–1945 г./ Сб. ст. №1. М., 1994. С использованием экспертных оценок В.О. Шпаковского.

⁷ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сб. ст. № 1. М., 1994; РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2678. Л. 204; Д. 2396; Ф. 31811. Оп. 2. Д. 602. Л. 14; Д. 664. Л. 3; Ф. 29. Оп. 46. Д. 271. Л. 3. Экспертная оценка начальника ВНГ Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е.Жуковского кандидата технических наук, полковника А.Н.Медведь.

3. МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ: СИЛЬНАЯ СИСТЕМА, КОТОРОЙ НЕ УСПЕЛИ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ

Особое значение для понимания поражений 1941 года имеет состояние мобилизационной готовности. Именно здесь наиболее ясно проявляется главное противоречие: СССР имел значительные мобилизационные возможности, но не успел своевременно превратить их в полностью развернутую боевую силу.

Однако мобилизационные возможности сами по себе еще не означали готовности к немедленному отражению удара. Войну ведет не армия, существующая в мобилизационных расчетах, а реально отмобилизованные, развернутые, укомплектованные и снабженные войска. СССР имел запасы и планы, но для их реализации требовалось время и политическое решение о переводе армии в военное состояние.

Система приведения войск в боевую готовность также существовала. Еще в начале 1930-х годов наставления определяли время вступления в бой для авиации и наземных войск; в ходе работы в войсках эти сроки сокращались. Истребители должны были подниматься в воздух в течение десятков минут, стрелковые и кавалерийские части — выходить с танками и в полном снаряжении в течение нескольких часов. В западных

Москвичи слушают речь В.М.Молотова о начале Великой Отечественной войны. (Фото: Е.А.Халдей)

округах проводились проверки, учебные тревоги, отрабатывались способы передачи приказов. То есть сама система боевой готовности была создана, но главное заключалось в том, что воспользоваться ею в полном объеме до германского удара не успели.

Советская военная мысль понимала изменившееся значение начального периода во-

йны. В трудах М. В. Фрунзе, Б. М. Шапошникова, Р. П. Эйдемана, М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова отмечалось, что начальный период войны сокращается, в него вовлекаются все большие массы войск, а мобилизация и развертывание становятся решающими для дальнейшего хода войны. Особенно точно суть проблемы выразил Б. М. Шапош-

*Советские воины отправляются на фронт.
(Фото: Д. Чернов)*

ников: «Мобилизация есть война»⁸. Полная мобилизация фактически означала переход государства к войне и потому не могла быть запущена без высшего политического решения.

В этом и заключалась главная трудность. Военное руководство понимало опасность запаздывания мобилизации.

В оперативном плане 1940 года предусматривалось при угрозе войны привести вооруженные силы в полную боевую готовность, провести мобилизацию, развернуть войска до штатов военного времени и сосредоточить их у западных границ.

Германия начала войну уже отобилизованной, сосредото-

точной и развернутой армией. Красная Армия встретила удар в состоянии скрытой мобилизации, неполного развертывания и перехода от мирного состояния к военному. Частичные меры, принятые до 22 июня, не могли заменить полного развертывания. В результате в первом столкновении участвовали неравные по степени готовности военные системы: с одной стороны — армия, уже приведенная в состояние войны; с другой — армия, обладавшая огромным потенциалом, но еще не успевшая полностью ввести его в действие.

Следовательно, причина поражений заключалась не в отсутствии мобилизационных возможностей. Они были созданы. Главная проблема состояла в том, что эти возможности не были своевременно реализованы до начала боевых действий. СССР имел сильную мобилизационную систему, но не успел воспользоваться ею в полном объеме до удара Германии.

4. КАДРЫ И РЕПРЕССИИ

Кадровое и политикоморальное состояние Красной Армии также нельзя считать неудовлетворительным. В межвоенный период в РККА была создана разветвленная система подготовки командных кадров. К началу войны готовили 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 203 военных училища и 68 курсов усовер-

⁸ См.: Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974. С.558.

шенствования; в этих учебных структурах обучалось свыше 300 тыс. человек. За три предвоенных года военные училища окончили 48 тыс. человек, курсы — 80 тыс., а только в первой половине 1941 года из училищ и академий в войска было направлено почти 70 тыс. офицеров⁹.

При этом кадровый корпус РККА был многочисленным. Более того, армия была чрезвычайно насыщена начальствующим составом. В 1939 году на одного офицера РККА приходилось 6 рядовых, тогда как в вермахте — 29, в английской армии — 15, во французской — 22, в японской — 19¹⁰. Поэтому сам по себе некомплект начсостава нельзя понимать как простое отсутствие офицеров. Он был связан и с особенностями советских штатов, и с быстрым ростом армии, и с постоянным увеличением числа командных должностей.

Главная кадровая трудность возникла в конце 1930-х — начале 1940-х годов, когда началось стремительное развертывание армии. Создавались новые соединения, увеличивалось число должностей, разворачивались технические рода войск, формировались механизированные корпуса. Существующая система военного образования не могла за короткий срок дать армии необходимое количество полноценно подготовленных

командиров. Поэтому широко использовались ускоренные курсы, выдвижение младших командиров, набор офицеров из запаса и другие чрезвычайные способы пополнения кадров. Это позволило увеличить численность командного состава, но неизбежно привело к неодинаковому уровню подготовки, особенно в младшем и среднем звене.

Репрессии 1937–1938 годов усугубили эту проблему, но не были ее основной причиной. Они нанесли тяжелый удар по высшему командному составу, нарушили преемственность, ухудшили моральную атмосферу в армии, усилили страх, неуверенность и осторожность командиров. Но данные не подтверждают, что именно репрессии были главной причиной кадрового некомплекта. В 1937 году было репрессировано 11034 человека, или 8% списочной численности начальствующего состава, в 1938 году — 4523 человека, или 2,5%. При этом некомплект начсостава составлял соответственно 34 тыс. и 39 тыс. человек, а в 1940 и 1941 годах вырос до 60 и 66 тыс. человек уже после прекращения массовых репрессий¹¹. Главной причиной этого роста было развертывание армии и создание новых формирований, требовавших все больше командиров и начальников.

Следовательно, репрессии не объясняют полностью ни

состояние кадров, ни поражения 1941 года. Кадровая проблема была шире: армия росла быстрее, чем система подготовки успевала обеспечить ее достаточным количеством опытных и хорошо обученных командиров. Поэтому Красная Армия вошла в войну в состоянии, когда командиров было много, но их опыт, подготовка и устойчивость в должностях были неодинаковыми, а во многих случаях — недостаточными.

Кадровый потенциал РККА был в целом достаточным для ведения войны, но не могло само по себе компенсировать внезапный удар, незавершенность развертывания, слабости управления и недостаток опыта современной маневренной войны.

5. ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ПОРАЖЕНИЙ 1941 ГОДА

Поражения Красной Армии в 1941 году нельзя объяснить одной причиной. В них соединились просчеты военно-политического руководства, незавершенность развертывания армии, слабости управления, недостаток опыта современной маневренной войны, противоречивое состояние техники, кадровое перенапряжение, последствия репрессий и неготовность войск к первому удару противника. Но среди всех этих факторов можно выделить главный: Германия нанесла удар зара-

⁹ О накоплении начальствующего состава и пополнении им РККА // Известия ЦК КПСС. 1990. №1. С.182.

¹⁰ Мельтюхов М.И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. №5. С.114.

¹¹ РГВА, ф.4, оп.10, д.141, л.205.

нее отобилизованной, развернутой и имевшей боевой опыт армией, тогда как РККА встретила войну в состоянии неполного развертывания, организационной перестройки, технического перехода и несвоевременного приведения в полную боевую готовность.

Именно это создало принципиально неравные условия первого столкновения. Вермахт вступил в войну как уже собранный и нацеленный на удар боевой механизм. Его соединения были сосредоточены, развернуты, имели опыт кампаний 1939–1941 годов, отработанное взаимодействие танков, авиации, артиллерии и мотопехоты, устойчивое управление и инициативу выбора времени и направления удара. РККА обладала огромным потенциалом, но значительная часть этого потенциала еще не была превращена в немедленную боевую силу. СССР не успел полностью перевести армию из состояния мирного времени в состояние войны до германского нападения.

Первым звеном причинной цепи стала запоздалая оценка сроков и характера начала войны. Советская военная мысль понимала значение начального периода войны, мобилизации и развертывания. В оперативном плане 1940 года предусматривалось при угрозе войны привести вооруженные силы в полную боевую готовность, провести мобилизацию, развернуть

войска до штатов военного времени и сосредоточить их у западных границ. В майских «Соображениях» 1941 года предлагалось даже упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию, пока она сама еще не организовала фронт и взаимодействие родов войск¹². Но оба решения — полная мобилизация и упреждающий удар — требовали политической воли и были связаны с огромным риском и не были своевременно превращены в военно-политическое решение. Ни одно из них не было своевременно превращено в практическое военно-политическое решение. Полная мобилизация означала фактический переход к войне, а упреждающий удар неотобилизованными полностью силами был еще более рискованным решением. Поэтому до последнего момента предпринимались частичные и скрытые меры, которые не могли заменить полного перевода армии в военное состояние.

Вторым фактором стала незавершенность развертывания самой армии. РККА быстро росла, создавались новые соединения, формировались механизированные корпуса, расширялась система управления, шло насыщение войск техникой. Но крупная армейская перестройка требует времени: части должны быть укомплектованы, командиры должны были быть назначены и освоиться

в своих должностях, техника получена и изучена, склады развернуты, связь налажена, взаимодействие отработано. К 22 июня 1941 года многие из этих процессов еще не были завершены.

Третьим фактором была кадровая проблема. Она не сводилась к репрессиям. В РККА была создана большая система подготовки командного состава, но быстрый рост армии в 1938–1941 годах потребовал десятков тысяч новых командиров. Для этого использовались ускоренные курсы, выдвижение младших командиров, призыв из запаса и другие чрезвычайные формы подготовки. В результате армия получила много командиров, но их профессиональный уровень был неодинаковым, особенно в младшем и среднем звене, от которого непосредственно зависело управление боем.

Четвертым фактором было противоречивое состояние вооружения и военной техники. Красная Армия не страдала от отсутствия техники. Напротив, она имела огромный артиллерийский, танковый и авиационный парк. Но значительная часть техники была устаревшей; новые образцы уже поступали, но еще не были полностью освоены; организационные структуры, ремонтная база, связь, подготовка экипажей и взаимодействие родов войск не всегда соответствовали требованиям современной маневренной войны. Особенно

¹² Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на западе и востоке на 1940 и 1941 г. // публ. подгот. Е.А. Зюзин // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 17–20.

остро это проявилось в авиации, где в условиях быстрого технического прогресса делалась ставка на массовое накопление самолетов.

Пятым фактором были слабости связи, управления, разведки и взаимодействия родов войск. Именно эти элементы превращают количество вооружения в реальную боевую силу. Танки, самолеты, артиллерия и пехота должны действовать не отдельно, а как единый механизм. Германия к 1941 году имела большой опыт такой войны. Советская армия тоже двигалась в этом направлении, но не успела завершить организационную и практическую подготовку. Поэтому немецкое превосходство состояло не столько в абсолютном превосходстве техники, сколько в более высокой готовности применить ее в единой системе наступательной операции.

Все эти причины действовали не отдельно, а как система. Запоздалое политическое решение не позволило вовремя запустить мобилизационные механизмы. Незавершенное развертывание сделало войска уязвимыми для первого удара. Быстрый рост армии снизил среднее качество подготовки кадров. Репрессии ухудшили атмосферу в командном составе и ослабили инициативу. Масса техники не была полностью превращена в управляемую боевую силу. Недостатки связи, разведки и взаимодействия затруднили применение даже тех средств, ко-

торые имелись. Оперативный опыт Германии позволил ей максимально использовать все эти слабости.

Поэтому главная причина поражений начального периода войны может быть сформулирована так: Красная Армия была мощной, но не полностью развернутой и не полностью готовой к тому варианту войны, который навязала Германия. СССР готовился к большой войне, но

Начальные поражения показывают не отсутствие предвоенной подготовки, а несоответствие конкретного состояния РККА 22 июня 1941 года характеру первого германского удара.

не успел встретить ее в состоянии полной боевой готовности. Германия же начала войну именно тогда и именно так, чтобы не дать советской военной системе завершить этот переход.

Но поражения 1941 года не означали общей неподготовленности СССР к войне. Если бы Советский Союз действительно был полностью неподготовлен, он не смог бы выдержать удар Германии, сохранить государственное управление, продолжить мобилизацию, восстановить

фронт, перестроить экономику и в конечном счете победить. Начальные поражения показывают не отсутствие предвоенной подготовки, а несоответствие конкретного состояния РККА 22 июня 1941 года характеру первого германского удара.

Именно поэтому опыт 1941 года имеет не только историческое, но и современное значение. Он показывает: армия может быть большой, хорошо вооруженной и материально обеспеченной, но оказаться уязвимой, если готовится к войне предыдущего типа. Опасна не только слабость армии. Опасна и ложная уверенность в силе, основанная на количественных показателях, если эти показатели не соответствуют новым условиям войны.

В современной войне сходную роль может играть недооценка беспилотников, современных средств связи, разведки, целеуказания, радиозлектронной борьбы, сетевого управления и скорости передачи данных от разведки к средствам поражения. Это не означает, что история повторяется буквально. Но механизм ошибки был сходным: армия рискует готовиться к войне предыдущего типа, не учитывая новые средства вооруженной борьбы и способы их применения. Главный урок 1941 года состоит не в том, что нужно иметь как можно больше техники вообще. Главный урок в другом: техника, организация, теория, подготовка, связь, разведка, управление

и мобилизационная система должны соответствовать реальному характеру будущей войны. Сильная армия может потерпеть тяжелое поражение, если ее сила не соответствует конкретной форме

войны, которая начинается в реальности.

Трагедия 1941 года состояла не в том, что Советский Союз не готовился к войне. Он готовился — и готовился масштабно. Трагедия состо-

яла в том, что он не успел встретить войну в том состоянии, в котором только и можно было успешно отразить удар армии, уже полностью развернутой для войны нового типа.

Библиография

Арцыбашев В.А. Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной Армии в 1931–1941 гг. М., 2004.

Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне. М.; Тула, 1977.

Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 96–108.

Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года: документальные очерки. М., 2001.

Герасимов Г.И. «Мобилизация есть война...» // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 2–13.

Гланц Д. Восставшие из пепла: как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М., 2009.

История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974.

История отечественной артиллерии. Т. 3. Кн. 8: Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 — июнь 1941 г.). М.; Л., 1964.

Мельтюхов М.И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 114.

Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М., 2007.

О накоплении начальствующего состава и пополнении им РККА // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 182.

РГВА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 141. Л. 205.

РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2396; Д. 2678. Л. 204.

РГВА. Ф. 29. Оп. 46. Д. 271. Л. 3.

РГВА. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 493; Д. 602; Д. 664. Л. 3.

Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на западе и востоке на 1940 и 1941 г. / публ. подгот. Е.А. Зюзин // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 17–20.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974.

**Захаров
Дмитрий Анатольевич,**
министр образования
Чувашской Республики,
кандидат исторических наук,
председатель регионального
отделения РВИО в Чувашской
Республике

**Zakharov
Dmitry Anatolyevich,**
Minister of Education of the
Chuvash Republic, Candidate
of Historical Sciences, Chairman
of the Regional Branch of the
RVIO in the Chuvash Republic

ДЕТИ ВОЙНЫ В ТЫЛОВОМ РЕГИОНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭВАКУИРОВАННЫХ В ЧУВАШИЮ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ) (Г. ЧЕБОКСАРЫ)

WAR CHILDREN IN THE REAR REGION (BASED ON MATERIALS FROM EVACUATED ORPHANAGES IN CHUVASHIA) (CHEBOKSARY)

Аннотация. Статья посвящена повседневной жизни, условиям размещения, обучения и медицинского обслуживания детей, эвакуированных в Чувашскую АССР в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных документов и воспоминаний воспитанников реконструирована деятельность эвакуированных детских домов и интернатов, проанализированы масштабы эвакуации и развертывания сети данных учреждений, а также освещена роль местных органов власти и населения в спасении детей, эвакуированных из прифронтовой полосы и блокадного Ленинграда.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашская АССР, эвакуация, детские дома, детские сады, эвакуированные дети.

Abstract. The article is devoted to the daily life, conditions of accommodation, education and medical care of children evacuated to the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. Based on archival documents and memoirs of pupils, the activities of evacuated orphanages and boarding schools were reconstructed, the scale of evacuation and the deployment of a network of orphanages were analyzed, as well as the role of local authorities and the population in rescuing children evacuated from the frontline and besieged Leningrad.

Keywords: The Great Patriotic War, the Chuvash ASSR, evacuation, orphanages, kindergartens, evacuated children.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала тяжелейшим испытанием для всего советского народа. Одной из ее трагичных страниц стала судьба детей, оказав-

шихся на прифронтовых территориях. В особо уязвимом положении оказались дети, потерявшие родителей. Спасение подрастающего поколения стало важнейшей

государственной задачей. С первых дней войны началась эвакуация детских учреждений, детских домов, интернатов и садов. Цель настоящей статьи – на основе архивных

Воспитанники Ишакского детского дома за обедом

документов, опубликованных воспоминаний и современных научных трудов восстановить картину жизни эвакуированных детей Чувашии в 1941–1944 гг.

Первоначально основное бремя организационной работы легло на правительственную комиссию Чувашской АССР по приему и размещению эвакуированных, созданную 26 июня 1941 г. во главе с председателем Совета народных комиссаров Чувашской АССР А.В. Сомовым. В дальнейшем важную роль в организации жизнеустройства прибывших в республику

детей сыграл Наркомат просвещения Чувашской АССР, на который была возложена ответственность по приему, размещению, материальному обеспечению и организации учебно-воспитательного процесса в эвакуированных детских учреждениях¹.

Если до войны в Чувашии насчитывалось лишь пять детских домов, то с началом массовой эвакуации потребовалось срочно открывать новые учреждения. Уже 28 июня 1941 г. Наркомпрос РСФСР направил в регионы инструктивное письмо о расширении сети детских домов. В Чува-

шии изначально планировалось добавить 150 мест², но масштаб проблемы быстро вырос. С августа 1941 г. в республику стали прибывать эвакуированные учреждения: первыми из них были детдома из Кингисеппского района Ленинградской области (82 чел.) и Москвы (10 чел.), размещенные в с. Покровском Октябрьского района и в с. Убеево Красноармейского района³.

Согласно архивным данным, к ноябрю 1941 г. в Чувашию прибыли 10 детских учреждений, в составе которых числилось 707 детей⁴. В декабре 1941 г. в республике насчитывалось 14 эвакуированных детских учреждений, в которых находилось 760 детей⁵; в сентябре 1942 г. – 15 учреждений и 949 детей.

По сведениям Наркомпроса ЧАССР, на 1 января 1942 г. в республике числилось 17085 эвакуированных детей в возрасте от 3 до 17 лет, из которых 705 чел. прибыло в организованном порядке (детские дома, интернаты и сады), а остальные 16880 чел. прибыли с родителями⁶. К началу июля 1943 г. в республике проживало 31037 детей по 15 лет, а общая численность эвакуированных граждан до-

¹ Гасанова М.Н. Основные направления деятельности Наркомата просвещения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в истории народов Поволжья: материалы Всерос. научно-практич. конференции с международным участием (Чебоксары, 16 мая 2024 г.). Чебоксары: Среда, 2024. С. 234–237.

² Государственный исторический архив Чувашской Республики (Далее – ГИА ЧР). Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2257. Л. 54, 56.

³ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2208. Л. 10; Д. 2352. Л. 13–13 об.

⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2272. Л. 120; Д. 2537. Л. 40.

⁵ Толстова Н.Ю. Эвакуированные в годы Великой Отечественной войны на территорию Чувашской АССР: организация размещения, социальная адаптация, трудовая деятельность: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Чебоксары, 2023. С. 221.

⁶ Государственный архив современной истории (ГАСИ ЧР). Ф. П-6. Оп. 5. Д. 321. Л. 108–109.

стигала 70901 чел.⁷. Таким образом, эвакуированные дети составляли более 40 % от всего эвакуированного населения.

Ситуация осложнилась в 1943 г. после прорыва блокады Ленинграда: в республику хлынул новый поток детей. Летом 1943 г. из блокадного города прибыло более 700 детей-воспитанников детских учреждений. Для их размещения руководству республики пришлось срочно открывать новые детские дома. Этим детям приняли учреждения, организованные в 1943 г. в Ишлейском, Алатырском, Янтиковском, Ибресинском, Чебоксарском, Моргаушском районах и г. Шумерля⁸. Всего за годы войны число детских домов в Чувашии возросло примерно в 2,5 раза (с 8 в 1940 г. до 19 к концу 1945 г.), а контингент воспитанников достиг 2,5 тыс. чел.⁹.

Эвакуированные детские дома столкнулись с многочисленными бытовыми трудностями. Постановлением СНК ЧАССР от 2 августа 1941 г. «О размещении эвакуированных детских домов» под детские учреждения в различных районах республики были выделены здания школ, общежития училища, дома колхозника и народного суда¹⁰. Многие помещения были не

Дети Ишакского детского дома на прогулке

приспособлены для жилья: не хватало вторых оконных рам, печи требовали ремонта. В Кувшинском детском доме подготовка к зиме 1941 г. не была завершена к ноябрю, в результате чего дети мерзли и болели¹¹. В Ишакском детдоме зимой 1943/1944 гг. дети были вынуждены сами заготавливать дрова и ходили в верхней одежде внутри помещений¹². Для устранения указанных недостатков в выделенных помещениях были организованы ремонтные работы, большую помощь в проведении которых оказали колхозы, местные предприятия и население. После принятых мер жилищно-бытовые

условия большинства эвакуированных детских учреждений стали приемлемыми.

Остро стояла проблема снабжения детских учреждений продуктами питания. Если с 1 октября 1941 г. снабжение стало централизованным, то до этого нормы часто не выполнялись. Перебои с поставками хлеба и других продуктов происходили на протяжении всей войны, но положение отчасти спасали подсобные хозяйства. За детскими домами было закреплено свыше 131 га земли, имелись лошади, коровы, свиньи¹³. Крупные колхозы брали шефство над эвакуированными детскими учреж-

⁷ Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Стат. сб. Чебоксары: Чувашстат, 2015. 139 с. С. 94.

⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2537. С. 85.

⁹ Бойко И.И., Ертмакова Г.В., Толстова Н.Ю. Воспитанники детских домов Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 21–22; Статистика Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Стат. сб. Чебоксары: Чувашстат, 2015. С. 99.

¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2191. Л. 85.

¹¹ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2266. Л. 392–394 об.

¹² ГИА ЧР. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 66. Л. 154.

¹³ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2266. Л. 182, 183.

Воспитанники на зарядке. Заволжский детский дом

дениями: например, колхоз подшефному детскому саду «Трактор» Чебоксарского района ежедневно выделял 30 литров молока и 60 яиц; каждый колхозный двор обя-

зался вырастить для детей по одной курице¹⁴. Тем не менее, калорийность питания порой составляла лишь 80% от нормы¹⁵. К середине войны положение с питанием заметно улучшилось. Так, проверка 1944 г. в Мариинско-Посадском детском доме показала, что в меню часто входили мясные щи, сливочное масло и простокваша¹⁶.

Затруднительным было положение с одеждой и обувью, в детских учреждениях не хватало нательного белья и чулочно-носочных изделий. Например, в документах отмечается, что с приближением холодов воспитанники Ишакского детского дома и Синьяльского детского интерната не имели теплых пальто и обуви, поэтому дети дошкольного возраста зимой не выходили на улицу. С целью смягчения проблемы в городах республики проводился сбор детских вещей, некоторыми колхозами изготавливались и бесплатно передавались в детские учреждения валенки¹⁷. Наркомат просвещения ЧАССР выделял со складов мануфактуру, а в 1943 г. из государственных резервов было передано 5 тыс. м бязи и 1,5 т шерсти для пошива вещей эвакуированным детям¹⁸.

¹⁴ Харитонов В.Г. Труд и повседневный быт сельских жителей Чувашии в первый период Великой Отечественной войны // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Чебоксары, 22 июня 2021 года / Сост. и отв. ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитонов. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2021. С. 235.

¹⁵ Бойко И.И., Ертмакова Г.В., Толстова Н.Ю. Указ. соч. С. 17.

¹⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2191. Л. 8.

¹⁷ Толстова Н.Ю. Указ. соч. С. 42.

¹⁸ Под грифом «секретно». Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сб. док. / сост. Д.А. Захаров, Е.В. Касимов. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2016. С. 99.

Несмотря на условия военного времени, Наркомат просвещения ЧАССР стремился сохранить непрерывность образовательного процесса. С 24 сентября 1941 г. эвакуированных детей начали прикреплять к местным школам. Из-за языкового барьера (прибывшие дети не знали чувашского языка) в местах компактного проживания приезжих открывали дополнительные русскоязычные классы. Остальные эвакуированные дети обучались совместно с местным населением, при этом материал излагался на русском языке¹⁹. Для эвакуированных детей были закуплены учебники на русском языке: в 1942 г. по запросу Наркомпроса ЧАССР их было приобретено 18 тыс. экземпляров²⁰. После возобновления занятий возникла острая потребность в канцелярских и писчебумажных материалах: детям не хватало книг, тетрадей и карандашей.

Несмотря на значительные трудности, связанные с условиями эвакуации (дефицит учебных ресурсов, игрушек и письменных принадлежностей, а также отсутствие полноценного воспитательного процесса), в ряде детских учреждений успешно осуществлялись мероприятия, направленные на формирование патриотического со-

Занятия по лепке в детском саду № 6 при заводе №654 (дети работников Харьковского электромеханического завода эвакуированного в Чебоксары)

знания, развитие творческих способностей и поддержание образовательной активности. Примерами эффективной воспитательной работы служат создание детской агитационной группы в интернате Наркомата морского флота, которая выступала в колхозах и эвакогоспитале; а также организация коллективных занятий по лепке, рисованию и пению в детском саду № 6 и других местах²¹.

Серьезным вызовом стала нехватка квалифицированных кадров. Значительная часть воспитателей не имела педагогического образования. В Заволжском детдоме в 1941 г. комиссия отмечала

«проблемы с кадрами» и невысокий уровень дисциплины. Рекордсменом по сменяемости руководства стал Алдиаровский детский дом: за один учебный год там сменилось пять директоров и три завуча²². Синьяльский детский интернат вовсе не имел обсуживающего персонала, находясь под шефским руководством местной учительницы²³.

Наглядной иллюстрацией трудностей содержания прибывших детей и усилий, предпринятых руководством и жителями Чувашии для их преодоления, может послужить Ишакский детский дом. Данное учреждение приняло

¹⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 321. Л. 108; Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой отечественной войны. С. 30.

²⁰ ГАСИ ЧР. Ф. П-6. Оп. 5. Д. 321. Л. 108–109.

²¹ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2474. Л. 97.

²² ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 2266. С. 208.

²³ Толстова Н.Ю. Указ. соч. С. 43.

Младшая группа воспитанников Ишакского детского дома

110 детей, эвакуированных из трех детских домов Ленинграда (№ 73 Невского района, № 9 и 43 Выборгского района), в том числе 67 воспитанников дошкольного возраста (от 3 до 8 лет)²⁴. Многие из детей были ослаблены; к сожалению, жизнь двоих детей врачам спасти не удалось. После прибытия эвакуированным детям оказывали поддержку местный колхоз и местные жители, привозившие продукты питания, одежду и обувь. Пятеро самых юных вос-

питанников были переданы в приемные семьи²⁵. С момента организации в августе 1943 г. Ишакский детский дом столкнулся с многочисленными проблемами. В ходе проверки в декабре 1943 г. было выявлено, что помещения не были утеплены должным образом, отмечались перебои с поставками продуктов. Для эвакуированных детей возобновилось обучение в средней школе, что обусловило потребность в мебели и канцелярских принадлежностях.

Особо остро ощущался дефицит одежды и обуви. Выявленные недостатки привели к смене руководства, что положительно сказалось на качестве жизни воспитанников. В результате обследования Ишакского детдома в мае 1944 г. было установлено, что большая часть ранее выявленных нарушений устранена. Кроме того, воспитанники детдома ведали подсобным хозяйством на площади 4,5 га и осуществляли уход за животными. Детским домом были заключены соглашения о взаимопомощи с несколькими колхозами²⁶.

Одной из важных задач местных властей была организация медицинского обслуживания эвакуированных детей. Для надлежащего наблюдения за их здоровьем к интернатам, детским домам и садам были прикреплены врачи и медсестры. Заботой врачей были окружены дети Шумерлинского дома младенца, эвакуированные в августе 1941 г. из г. Полоцк. Ужасы войны не обошли детей, эвакуированных из Ленинграда в составе детских учреждений летом 1943 г. Многие из них прибыли сильно истощенны-

²⁴ Ивановский В.Н. Мы с памятью слиты. Дети блокады в Чувашии: 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады посвящается: [воспоминания, архивные материалы]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 86.

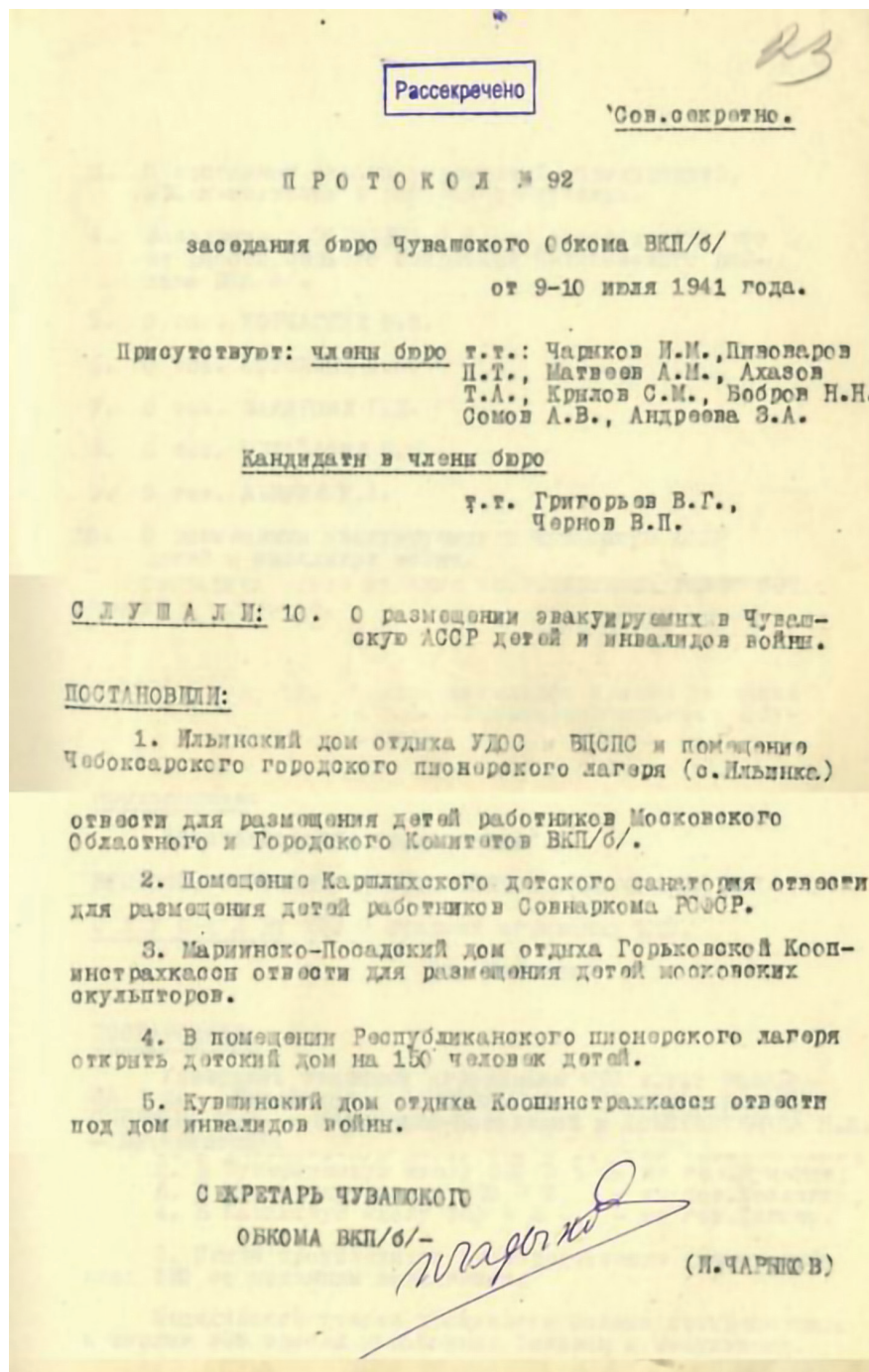
²⁵ Охотникова С.В. Помощь Чувашии блокадному Ленинграду в годы Великой Отечественной войны // Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): материалы Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 05–07 мая 2025 года. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2025. С. 290.

²⁶ «Здесь нас ждали и заботливо готовились». Дети Ленинграда в Чувашии / подг. публ. В.Ф. Питерновой // Отечественные архивы. 2004. № 2. С. 85–93; Васильева Л.И. Ишакский детский дом Чувашии в воспоминаниях детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда (по документам личного фонда В.Е. Сорокина, хранящегося в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики) // История и политика: Война и мир XX века. Уроки прошлого и угрозы современности: Сборник научных трудов по материалам XII всероссийского симпозиума, посвященного 75-летию Великой Победы, Нижний Новгород, 23 апреля 2020 г. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. С. 266–273.

ми, некоторые из них были с ранениями и ампутированными конечностями²⁷. Местные медики приложили немало усилий для восстановления и поддержания здоровья воспитанников.

Медицинское обслуживание осложнялось нехваткой лекарств и квалифицированных кадров, мобилизованных на фронт. К проблемам со здоровьем приводили также теснота, недоедание и недостаточный уход в некоторых детских учреждениях. Тем не менее, эпидемий в детских домах удалось избежать, хотя в годы войны в Чувашии фиксировались случаи дизентерии и сыпного тифа. В целом медицинское обслуживание в детских учреждениях Чувашии оценивалось как удовлетворительное.

С 1944 г. в Чувашии начался процесс реэвакуации, и часть прибывших детей вернулась на прежние места жительства. Оставшиеся в республике воспитанники, достигшие 16-летнего возраста, направлялись на учебу в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения, либо трудоустраивались на предприятия. Спустя годы бывшие воспитанники выражали благодарность коллективам детских учреждений и руководству республики за проявленную заботу²⁸.

²⁷ Ертмакова Г.В. От войны спаслись в Чувашии // Вклад трудящихся Чувашии в Победу в Великой Отечественной войне: Материалы научно-практической конференции (Чебоксары, 15 апреля 2010 г.). Чебоксары, 2010. С. 29-30.

²⁸ Андреева Н.Г., Игнатъева О.В. «К чужим как к своим...» (эвакуированные дети в Чувашии в годы Великой Отечественной войны) // Вестник Екатеринбургского института. 2014. №2. С. 104-109; Соловьева Г.С. Дети войны: материалы воспитанников Ишакского детского дома, эвакуированных ленинградских детей в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2015. С. 9, 79, 84.

Старшая группа воспитанников Ишакского детского дома

Эвакуированные дети на занятиях. Заволжский детский дом

Чувашская АССР, являвшаяся одним из тыловых регионов, приняла значительное число эвакуированных

детских домов, интернатов и садов. В короткие сроки в Чувашии пришлось развернуть сеть детских учрежде-

ний, наладить быт, питание и обучение воспитанников. Материалы эвакуированных детских домов Чувашии наглядно демонстрируют, как в условиях военного времени и ограниченных ресурсов местные власти и население сумели не только сохранить жизни детей, но и обеспечить им образовательный процесс, воспитание и подготовку к взрослой жизни. Нехватка одежды и обуви, перебои с поставками продовольствия, недостаточное оборудование учебных и жилых помещений – все эти и другие сложности приходилось преодолевать совместными усилиями коллективов детских учреждений и местных властей. В то же время поистине бесценной была помощь местного населения. Совместные усилия позволили преодолеть основные трудности и внесли весомый вклад в спасение подрастающего поколения в годы Великой Отечественной войны. Таким образом, исследование жизни эвакуированных детей в тыловом регионе на примере учреждений, размещенных в Чувашии, является для будущих поколений не только ярким примером массового героизма и взаимопомощи, но и важным историческим уроком, раскрывающим ценность каждой детской жизни.

Носков Владимир Юрьевич,
заместитель директора
Департамента науки и
образования РВИО, кандидат
исторических наук

Noskov Vladimir Yurievich,
Deputy Director of the Depart-
ment of Science and Education
at the Russian Military History
Society, Candidate of Historical
Sciences

ОБРАЗЫ ДЕТЕЙ И ДЕТСТВА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ–ДЕКАБРЬ 1941 Г.)

IMAGES OF CHILDREN AND CHILDHOOD IN THE SOVIET PROPAGANDA OF THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (JUNE–DECEMBER 1941)

Аннотация В статье рассматривается становление образов детей детства в советской пропаганде на начальном этапе Великой Отечественной войны, в основу которого были положены советские довоенные идеологические представления о ребенке. Образ счастливого советского детства соединял заботу государства о ребенке и государственное руководство его воспитанием. Усложнение функций образа военного детства, прежде всего, доминирование мобилизационных задач, привели к усложнению его структуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советская пропаганда, образ, детство.

Вторая Мировая и Великая Отечественные войны не только определили облик современного мира, но и по сей день сохраняют свою роль в политической сфере, информационной борьбе, на личностном уровне, в современной массовой культуре. Со вре-

менем только обостряются дискуссии как о содержании самих понятий, так и об интерпретации образов войны.

С началом военных действий содержание советской пропаганды, сохранившей партийно-государственную монополизию и высокую

Abstract. The article examines the formation of images of childhood in Soviet propaganda at the initial stage of the Great Patriotic War, which was based on Soviet pre-war ideological concepts of childhood. The image of a happy Soviet childhood combined the state's care for children and its management of their upbringing. The complexity of the functions of the image of wartime childhood, primarily the dominance of mobilization tasks, led to the complexity of its structure.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet propaganda, the image, childhood.

степень институционализации, претерпело существенные изменения, теоретические установки уступили место эмоционально насыщенным, художественно ярким образам. В этом контексте детские темы, сюжеты превратились в одни из ведущих во всех фор-

мах и средствах пропаганды, ведь генетическая, историческая, культурологическая и религиозная природа отношения родителей к ребенку была и остается одним из ключевых факторов воздействия на общественное сознание.

Современная историческая наука особое внимание уделяет анализу советских пропагандистских образов. В 1941–1945 гг. одними из фундаментальных инструментов мобилизации и перехода страны к тотальной войне стал патерналистский нарратив, его неотъемлемой составляющей которого были образы детей и детства.

Однако, в то же время, современным трактовкам совет-

ских пропагандистских образов детей и детства периода Великой Отечественной войны часто присущи схематизм, упрощения. Наиболее часто встречается такие ошибки: перенос на военное время целостной пропагандистской концепции советского детства 1930-х гг.; рассмотрение детских образов в течение 1941–1945 гг. в качестве статичных смысловых конструкций; наложение послевоенных идеологем на предшествующий период¹.

В условиях острых идеологических дискуссий, масштабного применения манипулятивных практик закономерно вырос интерес отечественных исследователей к организа-

ции советской пропагандистской работы периода Великой Отечественной войны. Среди ключевых образов общественного сознания периода Второй мировой войны наиболее изученным является образ врага. Е. С. Сенявская акцентирует внимание на том, что одним из маркеров образа захватчиков было определение «детоубийцы», при этом характеристика жертв агрессии включалась в смысловую структуру образа врага². Исследователи пропагандистских образов выделяют три основных этапа развития советской пропаганды в период Великой Отечественной войны: июнь – декабрь 1941 г. – использование довоенных образов; декабрь 1941 г. – август 1944 г. – разработка и трансляция сложных, тесно связанных с народными представлениями пропагандистских образов, военно-мобилизационной направленности; сентябрь 1944 г. – май 1945 г. – доминирование образа И. В. Сталина и государства в пропагандистских практиках³. На данный момент комплексное изучение пропагандистских образов детей и детства в советском информационном пространстве периода Великой Отечественной войны находится на стадии становления.

¹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. Авторский сборник. / Лев Гудков. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 816 с.; Kucherenko O. Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945 / Olga Kucherenko. – Oxford University Press, 2011. – 280 p.; F rst J. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism / Juliane F rst. – New York: Oxford University Press, 2010. – 391 p.

² Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 288 с.

³ Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа: автореф. дис... канд. ист. наук: 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки» / Н.М. Галимуллина. – Казань, 2005. – 20 с.

Цель статьи – проанализировать поиск советской пропагандой форм и содержания образов детей и детства в контексте общих идеологических изменений в наиболее сложный мобилизационный период лета и осени 1941 г.

Источниковую базу исследования составили директивные документы, сообщения Совинформбюро, материалы советской прессы.

В 1920–1930-е гг. образ детства в советском смысле пространства коррелировался с общественными трансформациями, метафорически воплощал «рождение» и «взросление» первого в мире социалистического государства. На уровне публичной риторики 1930-х гг. такой образ являл собой двуединую структуру. С одной стороны, презентовалась забота со стороны государства, направленная на создание условий для безопасного и полноценного развития несовершеннолетних. С другой стороны, дети рассматривались в качестве «маленьких» взрослых, особые усилия государства направлялись на их подготовку к будущей миссии строителей коммунизма, на трудовое, военно-патриотическое воспитание⁴.

Образы детства активно использовались для противопоставления социалистического

социалистического строя «империалистическому» окружению. Например, Р. Фраерман так критиковал гитлеровские «Нюрбергские расовые законы» 1935 г.: «Вспоминаешь процентную норму для евреев в школах, вспоминаешь погромы и, что куда хуже погромов, то ужасное чувство безысходности, тоски, которое никогда не покидало людей, не покидало даже меня, маленького мальчика»⁵. Фашизм представал в виде силы, несущей угрозу детям и разрушающей детство. В годы гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) в советской периодике появились описания авиаударов по республиканским городам, как, например, в статье «Жизнь осажденного Мадрида» в газете «Артемівський робітник»: «Ежедневно здесь погибают десятки людей, среди них много женщин и детей, разорванных, искаженных, искалеченных бомбами и снарядами немецких и итальянских интервентов»⁶.

К концу 1930-х гг. на формирование образа детства в советской пропаганде значительное влияние оказало конструирование образа будущей войны. О. В. Будницкий обращает внимание на факты появления и широкого распространения исторических работ, а

затем и публицистических, художественных произведений, кинофильмов, мемориальных практик, связанных с личностями Александра Невского, А. В. Суворова, историей Отечественной войны 1812 г.⁷ Военные победы прошлого, в информационных, компаниях должны были обосновать обществу неизбежность успеха СССР в грядущей войне. Эти идеологические компании положили начало постепенному размыванию идеи мировой революции и, в свою очередь, укреплению патернализма в общественных взглядах и настроениях⁸.

Нападение Германии 22 июня 1941 г. повлекло за собой фундаментальные изменения в идеологической системе СССР, война стала единственным определяющим фактором жизни государства, а победа – абсолютной ценностью. Уже в первые дни с момента начала боевых действий, в речах руководства страны и газетных публикациях определяется не только название конфликта, но и происходит его смысловое наполнение, в основу которого положен принцип тотальности, подразумевавший вовлечение всего народа в борьбу с врагом.

Идея Великой Отечественной войны на протяжении

⁴ Литовская, М. А. «Потешное войско» в русской литературе 1930-х годов / М.А.Литовская // Мальчики и девочки: реалии социализации: сборник статей. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. – С. 328-337

⁵ Ольга Севина Эхо «Священной войны». Контекст эпохи: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://olg15960418.narod.ru/sntwarcont.html>

⁶ Артемівський робітник. – 1938. – 8 января 2026

⁷ Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944 / Сост., отв. ред. О.В. Будницкий – М.: Политическая энциклопедия, 2013. – С. 9

⁸ Сенявский А.С. Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа / Сенявский А. С. Сенявская Е. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=156>

1941–1945 гг. доминировала во всем советском смысловом пространстве. Получили распространение идентификаторы, метафорически связанные с семьей и детством, подчеркивающие родственность всех граждан СССР между собой, их неразрывную

связь с героическим прошлым. Первое обращение И. В. Сталина к советскому народу после начала Великой Отечественной войны по радио 3 июля 1941 г. начиналось словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам

обращаюсь я, друзья мои!».

Центральным стал женский образ «Родины-матери», который был генетически связан с дореволюционной идеологией «России-матушки», но включал более широкий смысл, поскольку подразумевал все народы СССР⁹. Так, в пропагандистских материалах, текстах присяг и художественных произведениях символическая всеобщность единства граждан выражалась в обозначении советских граждан как сыновей и дочерей Советской Родины, трудового народа. Ярким примером этой тенденции может служить плакат Кукрыниксы с текстом С. Маршака: «Бьемся мы здорово, колем отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева»¹⁰.

Представление о том значительном месте, которое занимали образы детей и детства в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны, дают сообщения Совинформбюро, которое в соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. осуществляло руководство всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, составление и публикацию сведений по материалам Главного командования¹¹.

Автором этой статьи подсчитано, что за период 1941–1944 гг. упоминания о советских несовершеннолетних

⁹ Рябов О.В. «Россия-Матушка»: История визуализации / О. В. Рябов: [Электронный ресурс].—Режим доступа: <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/riabov-2008.htm>

¹⁰ Плакаты войны и победы. 1941–1945 / Сост. П.А.Снопков и др. – М: Контакт–Культура, 2005. – С.8–16.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) [В 15 т.]: сборник. Т.7: 1938–1945 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп., испр. – М.: Политиздат, 1985. – С.213.

Таблица 1

Распределение сообщений Совинформбюро, включающих информацию о детях, по месяцам, 1941 г.*

Содержание сводки	Месяц						
	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Преступления против детей	3	9	7	3	7	12	31
Детский труд	5	1	–	1	–	–	7
Подвиги детей	3	–	3	–	–	–	6
Всего	11	10	10	4	7	12	45

* Составлено автором по материалам: Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. Т.1: Июнь–декабрь 1941 года. – М.: Издание Совинформбюро, 1944. – 456 с.

гражданах присутствуют в 384 сообщениях, что составляет 16,2 % от общего сводок. В июле – декабре 1941 г. дети, школьники, ученики, учащиеся, пионеры, юные патриоты упоминались в 45 сообщениях Совинформбюро (см. табл.1). В июле 1941 г. из 11 сообщений 3 были посвящены преступлениям против детей, 5 – трудовому участию детей в общей борьбе и 3 – боевым подвигам детей.

Такое соотношение сводок по их содержанию отражает лишь корректировку образа детства и попытку его целостной трансляции. Объединение новых тем и лозунгов со струк-

турными элементами предвоенного образа детства мы встречаем в одном из наиболее ярких произведений военной публицистики начального периода войны – «Письмах к товарищу» Бориса Горбатова: «Товарищ! Если ты любишь Родину и своего сына, и будущее его дорого тебе, – бей, без пощады бей, без жалости бей врага!»¹². Не сразу произошел отказ от пропагандистского акцента на заботе государства о детях. Так, в своей директиве от 23 июня 1941 г. Главное управление политической пропаганды РККА нацеливало начальников управлений политпропаган-

ды фронтов, округов, армий главный упор в политическом обслуживании мобилизованных в пунктах формирования делать на разъяснении постановлений СНК о пенсиях и пособиях семьям военнослужащих¹³. Однако смысловое наполнение образа ребенка как объекта государственной заботы входило в острое противоречие с действительностью, в которой Советский Союз терпел военные поражения и вынужден был сдавать территории стремительно наступающему врагу. Наиболее распространенным мобилизационным детским образом становится образ

¹² Горбатов Б. Годы борьбы. Произведения военных лет / Б. Горбатов.– М.: Воениздат, 1955. – С.161

¹³ Русский архив: Великая Отечественная. Т.17-6 (1-2): Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Под. общ. ред. Золотарева В.А. – М.: ТЕРРА, 1996. – С.19–20.

Огородные работы на Марсовом поле (дети копают землю под грядки). Источник: Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда

ребенка-жертвы, направленный на формирование образа врага как «детоубийцы», он доминировал в радиоэфирах, газетах, кинематографе, агитационных плакатах, открытках. Так, в сводках Совинформбюро этот образ доминирует с ноября 1941 г., в декабре было передано 12 соответствующих сообщений (т.е. вчетверо больше, чем в июне) (см. табл.1), в целом же на протяжении войны преступления против детей и детства разоблачались в 365 сообщениях.

Первые сообщения о детских жертвах были связаны с авиационными ударами Люфтваффе по населенным пунктам. На примере фрагмента из сообщения Совинформбюро от 6 июля 1941 г. нетрудно заметить использование опыта освещения в прессе испанских бомбар-

дировок: «Гитлеровские летчики расстреливают с самолетов мирных жителей и гонятся даже за детьми. Один из фашистских стервятников напал на днях на грузовой автомобиль, отвезивший в тыл женщин и детей. Пулеметной очередью бандит убил жену техника Зеленко и тяжело ранил 3-летнего мальчика»¹⁴. В дальнейшем внимание к бомбардировкам снижается, за исключением освещения блокады Ленинграда. Собственно, одним из первых воплощений образа ребенка-жертвы стал плакат «Не простим немецко-финским бандитам» (декабрь 1941 г.). На нем изображена убитая школьница, лежащая на снегу, а рядом – окровавленные тетради.

Главное место в создании образа ребенка-жертвы заняло освещение престу-

плений фашистов на оккупированной территории. На начальном этапе Великой Отечественной войны, в силу практически полного отсутствия информации, имело место непонимание характера и масштабов преступлений против детей и детства, что вело к формированию искаженного и неубедительного образа. Описание немецких солдат в прессе основывалось на старых стереотипах. В сводке от 29 августа 1941 г. говорится, что «В селе Козинец немецкий кавалерист за пропавшую уздечку поджег избу колхозника Паламарчука и зарубил насмерть его ребенка». Сочетание «кавалерист» и «зарубил» апеллирует к образам белоказаков, которые шашкой убивают невинных людей и т.д. В свою очередь, стоит отметить факт отсутствия на вооружении личного состава Вермахта подобных видов клинкового оружия. В сообщении Совинформбюро от 25 ноября 1941 г. после описания преступления утверждалось: «Женщины собрались к месту убийства и устроили демонстрацию «Долой фашистских разбойников!»¹⁵.

Осенью 1941 г. начинается активный поиск информации о положении населения оккупированных территорий. Осознание необходимости формировать информационные материалы на достоверных фактах отражает запись в дневнике советского писателя, корреспондента

¹⁴ Там же. – С.29.

¹⁵ Там же. – С.372.

«Правды», руководителя оперативной группой писателей при политуправлении Балтфлота В. Вишневого от 19 сентября 1941 г.: «Есть люди, которые сейчас теряются: живут слухами, пьют, распускают нервы. Надо бороться за души людей! Шире, активнее агитацию и объективную информацию»¹⁶. Степень актуальности достоверных данных наглядно иллюстрирует в своих воспоминаниях главный редактор «Красной звезды» (1941–1943 гг.) Д. И. Ортенберг: «В одном из сел под Харьковом встретили они старшего политрука Сергея Езерского, только что вырвавшегося из немецкого плена. Захватили его гитлеровцы раненым и отправили <...> в так называемую «Уманскую яму». Согнали туда не только военнопленных, а и множество мирных жителей – стариков, женщин, детей. Голод, пытки, истязания, травля собаками, расстрелы по малейшему поводу и без повода – все было здесь». Полученную информацию спешно передали в Москву по армейской спецсвязи¹⁷.

Военные реалии внесли изменения в освещение советскими информационными ресурсами сюжетов, связанных

с трудовым и военно-патриотическим воспитанием несовершеннолетних. Следует отметить, что в данных сюжетах изменения произошли наиболее быстро. С одной стороны, возникла острая потребность активного включения несовершеннолетних в трудовую деятельность и оборону страны, а с другой – и в довоенной пропаганде дети позиционировались не только как объект воспитания, но и как активные граждане. В 7 сводках Совинформбюро за первые 6 месяцев войны содержалась информация об участии школьников в сельскохозяйственных работах, помощи учеников семьям военнослужащих, работе учащихся профтехучилищ на промышленных предприятиях. 3 сводки за июль 1941 г. содержали сюжеты о помощи детей в поимке диверсантов (полностью в предвоенной литературно-пропагандистской стилистике), а вот уже в сентябре появились сообщения о подвигах детей на оккупированной территории (3 сводки) (см. табл.1). В дальнейшем главную роль в формировании образов ребенка-труженика и ребенка-героя играли пресса, фотоискусство, художественная литература, кинематограф.

Таким образом, цельный идеологический образ советского детства 1930-х гг. объединял в себе представления о ребенке как объекте заботы государства и как социализирующемся посредством трудового воспитания гражданине и патриоте. Важной задачей, ставшей перед советским агитпропом, в первые дни войны стала обеспечение мобилизации населения страны на войну с агрессором. В этом контексте, значительная роль отводилась сюжетам посвященных детям и детству, Усложнение функций, усиление ответственности, поиск наиболее эффективных форм влияние на общественное сознание привели к принципиальной трансформации образа детства. На протяжении июня–декабря 1941 г. в отличие от довоенного цельного образа «счастливого детства», внутренняя структура образа военного детства приобрела сложный гетерогенный характер. Образ военного детства составили обладающие значительной автономией и внутренне структурированные образы ребенка-жертвы, ребенка-подопечного, ребенка-труженика, ребенка-героя.

¹⁶ Вишневецкий Вс. Собр. соч.: в 5 т. Т.3 / Всеволод Вишневецкий – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. – С.134

¹⁷ Ортенберг Д.И. Июнь – декабрь сорок первого: Рассказ-хроника / Д.И. Ортенберг. –М.: «Советский писатель», 1984. – С.177–178.

Список источников и литературы

Fürst J. *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism* / Juliane Fürst. – New York: Oxford University Press, 2010. – 391 p.

Kucherenko O. *Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945* / Olga Kucherenko. – Oxford University Press, 2011. – 280 p.

Артемівський робітник. – 1938. – 8 января

Вишневский Вс. Собр. соч.: в 5 т. Т.3 / Всеволод Вишневский – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. – 772 с.

Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа: автореф. дис... канд. ист. наук: 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки» / Н.М. Галимуллина. – Казань, 2005. – 20 с.

Горбатов Б. Годы борьбы. Произведения военных лет / Б. Горбатов.– М.: Воениздат, 1955. – 520 с.

Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. Авторский сборник. / Лев Гудков. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 816 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) [В 15 т.]: сборник. Т.7: 1938–1945 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп., испр. – М.: Политиздат, 1985. – 573 с..

Литовская, М. А. «Потешное войско» в русской литературе 1930-х годов/ М.А.Литовская// Мальчики и девочки: реалии социализации: сборник статей. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. – С .328-337

Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944 / Сост., отв. ред. – М.: Политическая энциклопедия, 2013. – 229 с.

Ольга Севина Эхо «Священной войны». Контекст эпохи: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://olg15960418.narod.ru/sntwarcont.html>

Ортенберг Д.И. Июнь – декабрь сорок первого: Рассказ-хроника / Д.И. Ортенберг. – М.: «Советский писатель», 1984. – 352 с.

Плакаты войны и победы.1941–1945 / Сост. П.А.Снопков и др. – М: Контакт–Культура, 2005. – 240 с.

Русский архив: Великая Отечественная. Т.17-6 (1-2): Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Под. общ. ред. Золотарева В.А. – М.: ТЕРРА, 1996. – 672 с.

Рябов О.В. «Россия-Матушка»: История визуализации / О. В. Рябов: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/riabov-2008.htm>

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 288 с.

Сенявский А.С. Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа / Сенявский А. С. Сенявская Е. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=156>

Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. Т.1: Июнь–декабрь 1941 года. – М.: Издание Совинформбюро, 1944. – 456 с.

Рубцов Юрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра фундаментальных военно-исторических проблем Федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Rubtsov Yuri Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Scientific Research Center for Fundamental Military Historical Problems of the Federal State-Funded Military Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

В СТАВКЕ ВГК СХОДИЛИСЬ ВСЕ НИТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СССР В ГОДЫ ВОЙНЫ

THE SUPREME COMMAND HEADQUARTERS WAS THE CENTER OF STRATEGIC MANAGEMENT OF THE SOVIET ARMED FORCES DURING THE WAR

Аннотация.

В статье освещается деятельность в годы Великой Отечественной войны основного органа стратегического управления Вооруженными силами СССР – Ставки Верховного Главнокомандования. Показан нелегкий процесс складывания наиболее оптимальной системы стратегического планирования и управления войсками, выработки адекватного постоянно изменявшимся условиям войны стиля деятельности членов и уполномоченных Ставки, их взаимоотношений с командованием фронтами, руководством главных и центральных управлений Наркомата обороны и Генерального штаба. Проводится мысль о том, что Ставка ВГК успешно справилась со сложнейшими задачами стратегического управления Вооруженными силами СССР, подтвердив передовой характер советского военного искусства по сравнению с военным искусством противника.

Ключевые слова: Вооруженные силы СССР, стратегическое управление, Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб, представитель Ставки, стратегическая операция, И.В. Сталин

Abstract.

The article covers the activities of the Stavka of the Supreme Commander-in-Chief, the main strategic management body of the Armed Forces of the USSR, during the Great Patriotic War. It shows the difficult process of developing the most optimal system of strategic planning and command and control of the troops, as well as the development of an appropriate style of activity for the members and representatives of the Stavka, their relations with the commanders of the fronts, the main and central departments of the People's Commissariat of Defense, and the General Staff. The article suggests that the Supreme Command Headquarters successfully coped with the complex tasks of strategic management of the USSR Armed Forces,

confirming the advanced nature of Soviet military art in comparison with the enemy's military art.

Strategic Directorate, Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief, General Staff, Representative of the Headquarters, Strategic Operation, Stalin.

Keywords: Armed Forces of the USSR,

В годы Великой Отечественной войны важнейшее место в единой системе государственного и военного управления Советского Союза занимали органы стратегического руководства Вооруженными силами. Война подвергла суровой проверке их дееспособность и потребовала существенной перестройки органов управления, уточнения их функций и совершенствования методов работы по планированию и всестороннему обеспечению военных действий.

Решение о создании главного органа руководства вооруженной борьбой – Ставки Главного Командования (Ставки ГК) Вооруженных сил Союза ССР было принято Совнаркомом СССР 23 июня 1941 г.¹ В ее состав вошли С.К. Тимошенко (председатель), И.В. Сталин, Г.К. Жуков, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и Н.Г. Кузнецов.

Дееспособность вновь созданной Ставки оказалась невысокой. Сложилась ситуация, при которой наличествовали два председателя: один – юридический, другой – фактический. С.К. Тимошенко как нарком обороны и председатель Ставки не мог без одобрения И.В. Сталиным принять ни одного принципиального решения в управле-

нии войсками, использовании стратегических резервов в Вооруженных силах, тем более в стране в целом. Это крайне осложняло управление военными действиями и приводило к непроизводительной трате столь драгоценного времени и лишним большим жертвам.

Права и обязанности членов Ставки не были четко регламентированы. Гражданское лицо – заместитель председателя СНК, нарком иностранных дел В.М. Молотов, опираясь на свое положение в государственной иерархии, считал нормальным вмешиваться в действия военного командования. Маршал К.Е. Ворошилов, хотя и носил высшее воинское звание, в тот момент также не имел отношения к Вооруженным силам, будучи одним из заместителей главы правительства.

Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов вспоминал в связи с этим: «Первые заседания Ставки Главного Командования Вооруженных сил в июне проходили без Сталина. Председательство наркома обороны маршала С.К. Тимошенко было лишь номинальным... Нетрудно было заметить: нарком обороны не подготовлен к той должности, которую занимал. Да и члены Ставки тоже. Функции каждого были не ясны – положения о Ставке

не существовало. Люди, входившие в ее состав, совсем не собирались подчиняться наркому обороны. Они требовали от него докладов, информации, даже отчета о его действиях... Невольно вспоминается, как еще долго, в тяжелых условиях временного отступления, приходилось нам отрабатывать организацию руководства войной»².

Сказывалась также перегруженность Ставки Главного Командования различного рода оперативными и тыловыми (обеспечивающими) делами, трудности в управлении объединениями и соединениями в условиях стратегической обороны, когда еще не удавалось наладить взаимодействие между фронтами, а связь с их командующими оказывалась не всегда надежной.

Поэтому 10 июля 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны Ставка Главного Командования была реорганизована. Председателем Ставки стал глава ГКО И.В. Сталин. Помимо вождя в ее состав вошли: заместитель председателя Государственного Комитета Обороны В.М. Молотов, Marshals Советского Союза С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, Б.М. Шапошников, начальник Генерально-

¹ 1941 год. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 2. С. 441.

² Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. СПб, 2018. С. 237.

го штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков. Сам орган высшего военного управления стал именоваться Ставкой Верховного Командования (Ставкой ВК).

И лишь 8 августа 1941 г. она обрела окончательный статус, будучи преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования при одновременном назначении И.В. Сталина председателем Ставки и Верховным Главнокомандующим (19 июля он, сменив Тимошенко, стал еще и народным комиссаром обороны СССР).

К сожалению, это произошло лишь на 48 сутки войны, когда вермахт стоял уже в 300 км от Москвы. Таким образом, в течение первых, едва ли не самых тяжелых полуторамесячных сражений действующая армия оказалась заложницей поиска в верхах наиболее приемлемого механизма управления Вооруженными силами, что не могло не умножить поражения и потери.

В ходе войны состав Ставки ВГК претерпел лишь незначительные перемены. Последнее кадровое изменение относится уже к концу войны: 17 февраля 1945 г. в соответствии с постановлением ГКО в ее состав вошли, кроме И.В. Сталина, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, А.И. Антонов, Н.А. Булганин и Н.Г. Кузнецов.

Не сразу сложились стиль и методы работы этого стратегического органа. Лишь примерно к моменту подго-

товки контрнаступления под Сталинградом осенью 1942 г. накопленный ею опыт в ходе неудачных летне-осенних кампаний 1941–1942 гг. позволил подняться на более высокий уровень руководства военным противоборством.

К началу 1943 г. основными функциями Ставки ВГК стали: стратегическое планирование (разработка замыслов кампаний и стратегических операций); определение задач войскам на театрах военных действий; постановка задач объединениям и соединениям Вооруженных Сил, согласование их усилий по цели, месту и времени; организация стратегического взаимодействия между родами Вооруженных Сил, фронтами, группами фронтов и отдельными армиями, а также между действующей армией и партизанскими формированиями; в соответствии с замыслами операций определение необходимого состава стратегических группировок; руководство созда-

нием, формированием, подготовкой и использованием стратегических резервов; руководство строительством Вооруженных Сил; руководство подготовкой и расстановкой командных кадров; осуществление стратегических перегруппировок войск и сил флотов; материально-техническое обеспечение, пополнение фронтов и флотов личным составом; оказание помощи командованию фронтов в подготовке и проведении стратегических операций, выполнении директив, приказов и распоряжений³.

В повседневной практике формальные грани между ГКО и Ставкой нередко ВГК стирались. Этому способствовало и то обстоятельство, что во главе них стояло одно и то же лицо. На совещания в ГКО часто приглашались члены Ставки и, наоборот, в Ставке при рассмотрении важных вопросов присутствовали члены ГКО.

Не было и заседаний в при-

³Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). История организации и деятельности в годы Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 82.

вычном понимании этого слова. По свидетельству маршала А.М. Василевского, за более чем 30-месячный период его службы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в его бытность членом Ставки она полностью в утвержденном составе ни разу не собиралась.

Но это не дает оснований считать, что Ставка существовала лишь на бумаге. Отвечая на такие предположения, А.М. Василевский писал: «...Была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном Главнокомандующем? Да. Была. Но при этом надо представить себе, что работа ее строилась по-особому. Верховный Главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь принимались необходимые решения, которые тотчас же и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки. Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном Главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно ответственные обязанности, часто находясь далеко за пределами Москвы, главным образом на фронте»⁴.

Как уже говорилось, в своей повседневной деятельности Ставка ВГК опиралась на Генеральный штаб Красной армии. В системе чрезвычайных органов государственного и военного управления это был, однако, не какой-то безликий «рабочий орган» (такой, на наш взгляд, неудачный термин укоренился в исторической литературе), а основное

звено стратегического планирования и руководства Вооруженными силами, подлинный «мозг армии».

На основании принятых Ставкой ВГК решений, а также предложений представителей Ставки и командующих фронтами Генштаб разрабатывал замыслы стратегических операций и кампаний, проводимых Вооруженными силами на важнейших стратегических направлениях.

При непосредственном участии Ставки ВГК и под ее жестким контролем за годы войны было проведено восемь военных кампаний и около 50 стратегических операций, более 250 фронтовых, ряд воздушных, противовоздушных и морских десантных операций, а также три централизованные операции партизанских сил. Она же организовывала и осуществляла крупные перегруппировки войск (армий, а иногда и целых фронтов), развертывала новые фронты или упраздняла существующие после выполнения ими поставленных задач, создавала и успешно использовала крупные резервы.

Важную роль в руководстве вооруженной борьбой играли представители Ставки ВГК – неформальная группа высших военачальников, полководческие дарования которых Верховный Главнокомандующий активно использовал для руководства действующей армией на решающих участках фронта. Должность представителя Ставки не была штат-

⁴ Василевский А.М. Дело всей жизни. В 2 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 126.

ной, такими полномочиями на том или ином фронте или одновременно на нескольких фронтах наделялись маршалы и генералы, персонально отобранные вождем перед началом очередной наступательной операции.

Это были наиболее подготовленные военачальники, которые, как правило, лично участвовали в разработке замысла и плана операции – Г.К. Жуков, А.М. Василевский, С.К. Тимошенко, Н.Г. Кузнецов, А.И. Антонов, Н.Н. Воронов, С.М. Штеменко – всего за годы войны примерно 10 маршалов и генералов. Функции представителя Ставки ВГК в некоторых случаях были возложены также на Маршалов Советского Союза Л.А. Говорова и К.К. Рокоссовского с оставлением за ними обязанностей командующих войсками фронтов.

Представители Ставки наделялись большими и конкретными полномочиями. Направленные на тот или иной участок фронта, они наряду с командующим соответствующим фронтом или армией лично отвечали за успех операции. Они были обязаны влиять на ход сражения, в районе которого находились, вовремя исправлять ошибки фронтового или армейского командования, конкретно помогать ему в получении из Центра необходимых материально-технических средств. В исключительных случаях И.В.

Сталин разрешал представителям Ставки временно отстранять от должности командующего фронтом и брать его обязанности на себя.

В ходе операций представители Ставки ВГК с пунктов управления или из расположения штабов фронтов внимательно наблюдали за развитием боевых действий. Если обстановка на каком-либо участке осложнялась, они лично изучали ее, при необходимости выезжая к передовой линии, контролировали действия командующих по выполнению положений, вносили необходимые по их мнению коррективы, а если требовалось, то связывались со Ставкой, Генштабом, управлениями Наркомата обороны. В идеале представители Ставки ВГК не подменяли командующих войсками фронтов и не сковывали их инициативу, а будучи, как правило, более опытными военачальниками, подсказывали им наиболее оптимальные пути решения сложных и внезапно возникших проблем.

Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, опираясь на собственный опыт в этой роли, вспоминал, как в конце 1943 г. он убеждал И.В. Сталина, что главной обязанностью представителей Ставки на фронтах необходимо считать «координацию действий фронтов и оказание помощи фронтовому командованию в обеспечении наиболее пол-

ного выполнения директив Ставки. Не командовать, не заслонять своей фигурой командующих фронтами, а поднимать их авторитет и ответственность»⁵.

Правда, такая ситуация была скорее идеальной, а на практике, конечно, случалось всякое – и подмена командующих, и выражение недоверия к ним со стороны прибывших из Ставки, и далеко не всегда целесообразное вмешательство в дела фронта. Именно поэтому не всегда одобрительно отзывались об институте представителей Ставки Маршалы Советского Союза И.С. Конев⁶, К.К. Рокоссовский и Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов⁷.

Конечно, ошибочно представлять себе, что становление Ставки как полноценного органа стратегического планирования и управления войсками действующей армии произошло одновременно. Нет, это был длительный процесс, сопровождавшийся и ошибками, и победами. Шло накопление бесценного опыта, в результате первых становилось меньше, а вторых – больше.

В первый период войны (с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г.) Вооруженными силами СССР были проведены три военные кампании: летне-осенняя оборонительная 1941 г. (22 июня – 4 декабря), зимняя наступательная 1941–1942 гг. (5 декабря 1941 г. –

⁵ Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963. С. 407.

⁶ Русский архив. Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М., 1995. С. 593.

⁷ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1997. С. 253–254; Кузнецов Н.Г. Указ. соч. С. 239.

20 апреля 1942 г.) и летне-осенняя оборонительная 1942 г. (май – ноябрь).

В полном объеме они за-благовременно Ставкой не планировались, так же, как и отдельные операции фронтов. Их конкретное планирование осуществлялось главным образом во фронтах и армиях. Ставка ВГК же преимущественно ставила задачи фронтам, рассматривала разработанные командующими и штабами планы операций, управляла боевыми действиями, занималась обеспечением войск, согласовывала усиления фронтов.

На новый качественный уровень деятельность Ставки ВГК поднялась при подготовке Сталинградской наступательной операции, закрепив этот процесс во втором периоде войны (19 ноября 1942 г. – 31 декабря 1943 г.), когда была решена проблема достижения коренного перелома в войне. В указанных хронологических рамках Ставка руководила действиями Вооруженных сил в двух наступательных кампаниях – зимней 1942–1943 гг. и летне-осенней 1943 г., подготовила и провела ряд крупнейших стратегических операций с участием от двух до четырех фронтов в каждой.

Ситуация на советско-германском фронте к этому времени стала кардинально меняться. С осуществлением Сталинградской наступательной операции (операция «Уран») Красная армия перешла преимущественно к наступательным действиям при более благоприятном,

чем ранее соотношении сил и средств.

Накопившая значительный опыт Ставка ВГК стала искуснее готовить операции, увереннее, осмотрительнее и дальновиднее руководить действиями Вооруженных сил. Перед войсками она ставила более активные задачи, предусматривала самые решительные способы действий, в том числе окружение и унич-

Ставка ВГК и Генштаб самостоятельно разрабатывали, детально планировали и всесторонне организовывали все важнейшие стратегические операции. Это имело решающее значение.

тожение крупных группировок противника.

Большинство стратегических операций, проведенных во втором периоде войны, отличались оригинальностью замысла, применением различных способов разгрома группировок противника, значительностью достигнутых результатов, что ярко прослеживается при подготовке и проведении летом 1943 г. Курской битвы и далее – при освобождении Левобережной Украины. Ставка ВГК и Генеральный штаб не ограничивались постановкой задач

фронтам и утверждением их решений, а самостоятельно разрабатывали, детально планировали и всесторонне организовывали все важнейшие стратегические операции. Все это имело решающее значение для достижения коренного перелома в войне.

Правда, наряду с успехами не удалось избежать и ряда крупных просчетов. Например, Ставка ВГК недооценила возможности противника, что обернулось его контрнаступательными действиями под Харьковом в феврале – марте и под Киевом в ноябре 1943 г. Но все-таки это было уже скорее исключение из правил.

В третьем периоде войны (с 1 января 1944 г. по 9 мая 1945 г.) Ставка ВГК и Генеральный штаб спланировали и провели три кампании: зимнюю и летне-осеннюю 1944 г. и кампанию 1945 г. в Европе. Именно тогда в Ставке родилась идея нанесения взаимосвязанных одновременных и последовательных ударов на всем советско-германском фронте. Эта идея нашла яркое воплощение в 17 стратегических операциях, проведенных в рамках третьего, заключительного периода войны, в том числе такие крупные и важные, как Ленинградско-Новгородская, Крымская, Белорусская («Багратион»), Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская, Висло-Одерская, Восточно-Прусская, Венская, Берлинская, Пражская.

Это уже были такие операции, которые ни по размаху, ни по достигнутому результа-

там не шли ни в какое сравнение с операциями 1941–1943 гг. Они развивались на глубину до 400–600 км и велись высокими темпами. Ставка ВГК проявила способность твердо управлять войсками, решать задачи более искусно и с меньшими людскими и материальными потерями. Она хорошо освоила и самую решительную форму наступления – окружение с целью уничтожения крупных группировок противника.

Характерную оценку руководства Советскими Вооруженными силами дал один из крупнейших немецких во-

еначальников генерал Франц Гальдер, бывший по сентябрь 1942 г. начальником генерального штаба германских сухопутных войск: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось

от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению»⁸.

Таким образом, в годы войны Ставка Верховного Главнокомандования зарекомендовала себя полноценным органом руководства Вооруженными силами. Её создание уже на второй день боевых действий полностью оправдало себя, деятельность Ставки стало одним из важнейших факторов победы над вооруженными силами нацистской Германии и её союзников.

Литература

Василевский А.М. Дело всей жизни. В 2 кн. 6-е изд. М., Политиздат, 1988. Кн. 1. 320 с.; Кн. 2. 363 с.

Воронов Н.Н. На службе военной. М., Воениздат, 1963. 440 с.

Кузнецов Н.Г. Накануне. Курсом к победе. СПб, АИР, 2018. 664 с.

Органы руководства Вооруженными силами СССР (1941–1945). История организации и деятельности в годы Великой Отечественной войны. М., Воениздат, 1988. 352 с.

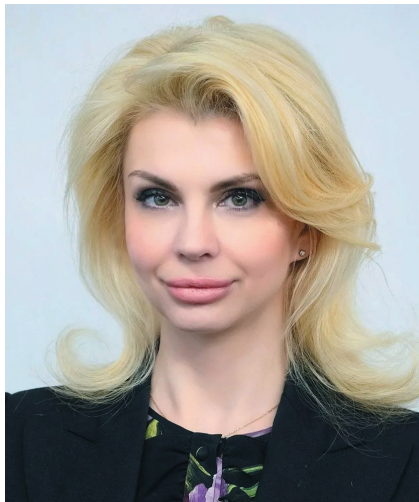
Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., Воениздат, 1997. 515 с.

Русский архив. Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М., Terra, 1995. 616 с.

1941 год. В 2-х кн. М., Междунар. фонд «Демократия». 1998. Кн. 2. 748 с.

⁸ Цит. по: Василевский А.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 287.

КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ И СМЫСЛЫ ЭПОХ

Казначеева
Ирина Алексеевна,
Советник Председателя
Российского военно-
исторического общества,
доктор социологических наук

Kaznacheeva
Irina Alekseevna,
Advisor to the Chairman of
the Russian Military Historical
Society, Doctor of Sociological
Sciences

КНИГА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ.

THE BOOK AS A CULTURAL PHENOMENON. ABOUT THE BENEFITS OF READING.

Аннотация

В статье обосновывается роль книги как культурного феномена и важнейшего инструмента сохранения интеллектуального и нравственного здоровья нации в условиях цифровизации. Рассматриваются современные вызовы (зависимость от искусственного интеллекта, утрата критического мышления) и государственные меры по популяризации чтения. Подчеркивается, что книга остаётся незаменимым средством воспитания, просвещения и формирования национальной идентичности.

Ключевые слова

книга, чтение, культурный феномен, интеллектуальный дефицит, популяризация чтения, воспитание, национальная идентичность.

Abstract. The article substantiates the role of the book as a cultural phenomenon and the most important tool for preserving the intellectual and moral health of the nation in the context of digitalization. Modern challenges (dependence on artificial intelligence, loss of critical thinking) and government measures to promote reading are considered. It is emphasized that the book remains an indispensable tool for education, enlightenment and the formation of national identity.

Keywords

book, reading, cultural phenomenon, intellectual deficit, popularization of reading, education, national identity.

Один мудрый человек заметил: «Те, кто читают книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор». Добавим, что чтение книг в эпоху всеобщей цифровизации и увлечения искусственным интеллектом, становится единственной действенной

вакциной от новой, но быстро прогрессирующей болезни – синдрома приобретенного интеллектуального дефицита, поражающий в большей мере новые поколения, нашу молодежь. Его основными симптомами являются отсутствие критического мышления и способности к самостоятельной работе с информацией. Если раньше ребенку, поленившемуся посчитать в столбик пример по математике, нужно было хотя бы достать из ящика калькулятор, включить его и потрудиться набить необходимые цифры, то сейчас и эти минимальные манипуляции не нужны, стоит только спросить Алису, Марусю, или еще какую-нибудь нейросеть, чтобы моментально получить готовое решение, которое столь же стремительно улетучится из головы школьника вместе с закрытой после выполнения домашнего задания тетрадкой.

Неумение самостоятельно работать с учебным материалом, дополнительными

источниками знаний, приводит к тотальной зависимости от искусственного интеллекта, атрофируя развитие собственных интеллектуальных навыков, аналитических функций мозга, творческих способностей и критического мышления.

Разумеется, подобный диагноз вряд ли будут афишировать средства массовой информации, учитывая то внимание, которое уделяется развитию нейросетей и изучению возможностей искусственного интеллекта в нашей стране и за рубежом.

Не вдаваясь в полемику о пользе и вреде искусственного интеллекта, сосредоточимся на книге как на культурном феномене, лучшем средстве от манкуртизации и вырождения нации, интерес к которой снова возрождается в нашей стране.

Это прежде всего связано с усилиями государства, направленными на регулирование книгоиздательской деятельности, поддержку

книжных магазинов и популяризацию чтения.

Серьезную роль в возрождении культуры чтения играет Союз писателей России. После смены руководства и революционных изменений в организации, Союз писателей взял курс на консолидацию всего писательского сообщества, повышение престижа профессии писателя как выразителя смыслов и ценностных основ, просветителя и хранителя культурного кода страны. По всей стране начался процесс объединения писательских организаций под эгидой СПР с единым уставом, с четко обозначенными критериями приема в писательский Союз.

Пушкинскими строками: «Друзья, прекрасен наш союз» теперь можно охарактеризовать обретающую новый образ и конкретные полномочия организацию, которую по праву называют преемницей Союза писателей СССР.

Долгожданную миссию собирания разрозненных писательских обществ, клубов и других институций в единый союз, взял на себя помощник Президента РФ, 1-й секретарь Союза писателей России Владимир Мединский, сам талантливый писатель и публицист, автор многочисленных исторических бестселлеров, один из редакторов новой единой линейки госучебников по истории, хорошо разбирающийся в ситуации на книжном рынке и в писательской среде.

Мединский – человек дела. Он молниеносно принимает

решения, действует энергично, просчитывая последующие шаги и четко понимая конечную цель.

Взявшись с новой командой разгрести «авгиевы конюшни» прежнего Союза писателей, глава СПР, в первую очередь вернул в собственность организации разбазаренную за десятилетия недвижимость, включая здание на Комсомольском, 13, где долгое время обитали разные конторы сомнительного пошиба, арендовавшие там помещения.

А легендарные некогда кабинеты, в которых работали выдающиеся мастера отечественной литературы, находились в удручающем состоянии.

Меньше, чем за год, возвращенное в собственность СПР здание на Комсомольском, преобразилась, открылась Книжная лавка писателей, реконструированы мемориальные кабинеты Юрия Бондарева, Михаила Шолохова и Сергея Михалкова. Возрожда-

ется и некогда любимый всеми писателями Центральный дом литераторов на Большой Никитской.

Здесь уже действует детский читательский клуб, шахматная гостиная, а мероприятия в ЦДЛ расписаны на несколько месяцев вперед.

Среди обилия разношерстных и не всегда соответствующих духу великой русской литературы премий, чей престиж оценивался исключительно в денежном эквиваленте, наконец-то, появилась одна, по-настоящему достойная и по критериям отбора, и по составу жюри – государственная премия «Слово». Возвращены под крыло Союза писателей России культовые печатные издания: «Литературная газета», «Роман-газета», журнал «Москва».

При непосредственном участии Союза писателей, Книжного Союза России во главе со Сергеем Степашиным, представителей книжных издательств, законодатели активно разрабатывают меры

поддержки отрасли, в частности, до 2027 г. продлена господдержка малого и среднего книжного бизнеса.

С марта 2026 г. организации культуры (театры, музеи, школы искусств и др.) получили право предоставлять государственные и муниципальные помещения в аренду по льготным ставкам для розничной торговли книгами, газетами, журналами, что тоже существенно для книготорговли.

Вся эта работа, как уже отмечалось, подчинена важнейшей задаче – вернуть России статус самой читающей страны в мире, а книге – ее истинную ценность как неисчерпаемого источника вдохновения, рождающего образы и чувства, развивающего кругозор человека, дающего знания и ориентиры на будущее.

Среди информационного шума и тотальной гаджетомании, книга и сегодня остается не только проводником глубочайших истин, но и действенным инструментом идеологического влияния. Влияние литературы на общественную и политическую жизнь, если вспомнить отечественную историю, всегда было колоссальным.

Не случайно, за свои смелые высказывания гонениям, ссылкам и репрессиям в разные были подвержены Пушкин, Чаадаев, Достоевский, Чернышевский, Маяковский, Гумилев, Пастернак и многие другие.

Говоря современным языком, великие русские писатели выступали своего рода

«лидерами мнения» своей эпохи, выразителями дум и настроений народа, что не могло не вызывать реакции власть предержащих. Вдохновляющая сила слова писателей-фронтовиков Твардовского, Симонова, Шолохова, Васильева в годы Великой Отечественной помогала воинам Красной Армии громить врага, изгонять его с родной земли, освобождать Европу и брать Берлин.

Сейчас во время Спецоперации сформировалась новое поколение представителей современной «лейтенантской прозы» – поэтов и писателей СВО, столь же героически «с лейкой и блокнотом» ведущих летопись боевых действий на Донбассе.

Надо отметить, что эти книги сразу приобрели своего читателя и очень востребованы в молодежной среде.

«Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей!», – эти слова академика Дмитрия Лихачева очень точно выражают значение литературы и её исцеляющее воздействие на души людей.

Сколько бы не говорили о нежелании подрастающих поколений дружить с книгой и снижении интереса к чтению, совершенно иную картину можно увидеть, оказавшись,

к примеру, на международной книжной выставке-ярмарке на ВДНХ, или на Книжном салоне в Санкт-Петербурге, или на проходящем по традиции в начале июня книжном фестивале «Красная площадь», где каждый год собираются сотни тысяч любителей книги, жаждущих купить новинку или пообщаться с любимым автором, проводятся всевозможные литературные акции, встречи с писателями и издателями, театрализованные представления и концерты. В двенадцатом книжном фестивале «Красная площадь» приняли участие около 600 издательств из 60 регионов, было проведено порядка 800 мероприятий, на которых побывало более 500 тысяч читателей со всей Страны.

Кстати, совместное исследование Книжного фестиваля «Красная площадь» и компании Брэнд Аналитикс свидетельствует, что 51% россиян по-прежнему отдают предпочтение именно бумажным изданиям. Примечательно, что за последнее десятилетие доля читающего населения в России выросла в полтора раза и достигла 66%. То есть больше половины граждан России по-прежнему любят книги!

Книжный расцвет переживают издания, посвященные истории Отечества, мемуары выдающихся государственных деятелей, детская и просветительская литература.

Особо хочется отметить, что не только столица может похвастаться яркими литературными событиями. В Баш-

кортостане уже несколько лет проходит Международная книжная ярмарка «Китап-байрам», которая собирает любителей книг со всех уголков России. Эта молодая, но очень перспективная площадка для поклонников литературы с момента создания задала высокую планку проведения и организации книжного праздника и пользуется большой популярностью среди современных авторов.

Разумеется, столь серьезное отношение к писателям – следствие очень грамотной политики руководства региона, непосредственно его главы Радия Хабирова. Штаб-квартира единственной объединенной писательской организации Башкирии находится в старинном особняке, достопримечательном месте старой Уфы – Доме Поликарпова. Это очень хороший пример для других регионов, как надо правильно работать с писательским сообществом.

В связи с этим становится очевидным, что значительная часть работы по популяризации чтения ложится на российские регионы. Учитывая сформированную за тринадцать лет устойчивую сеть региональных отделений Российского военно-исторического общества, на деле доказавших свою эффективность, и начавшиеся в последний год перемены в региональных отделениях Союза писателей России, представляется важным объединение усилий двух мощных общественных организаций в деле исторического просвещения и патриотиче-

ского воспитания подрастающих поколений. Председатели региональных отделений РВИО могли бы оказать содействие в появлении Книжных лавок писателей у себя на местах, взяв за основу действующую в штаб-квартире СП РФ на Комсомольском, 13, модель.

Безусловно, на отношение к чтению значительно влияет фактор времени. Сейчас взаимодействие человека с текстом происходит не только через бумажные носители, но в большей степени через короткие текстовые сообщения в мессенджерах и социальных сетях.

Место размеренному и вдумчивому чтению уступает быстрое считывание важной информации в телефоне, планшете или в компьютере, что существенно влияет на манеру чтения и формируют новые читательские привычки.

Как отмечено в аналитическом докладе ВЦИОМ «Россияне и книги. Портрет читателя в 2026-и году», «в современной системе медиапотребления книга сохраняет особый статус, но уже не как универсальный культурный стандарт, а как один из инструментов работы с внутренним состоянием и реальностью потребителя. Для одних она остается форматом отдыха, для других

— способом прокачать мышление, для третьих — редкой, но значимой формой эскапизма».

Исследуя культурный феномен книги, хотелось кратко остановиться на учебной и научной литературе – прежде всего школьных учебниках, которые призваны формировать у детей привычку к чтению и работе с источником. Если внимательно изучить разные линейки школьных учебников, начиная с внешнего вида и заканчивая содержанием, надо признать, что нужна их глобальная инвентаризация, приведение к единому стандарту.

Тон задают новые учебники по Истории России и Всеобщей истории для 5-11 классов в твердой обложке с идеологически выверенным смысловым содержанием, с тщательно подобранным иллюстрационным материалом.

В этой же стилистике выдержаны единые государственные учебники по обществознанию, Главным редактором которых выступил заместитель председателя Совета Безопасности России Дмитрий Анатольевич Медведев.

Такие учебники гораздо удобнее и долговечнее, они больше напоминают настоящую книгу, а не на какой-то журнал или детскую раскраску, как большинство ныне существующих. Но самая большая ценность новых

учебников – это качественные тексты, над которыми работали лучшие историки страны, школьные учителя и методисты.

Инвентаризация и приведение к общему стандарту школьных учебников, конечно, задача непростая и очень масштабная, но это необходимо, если мы хотим воспитать будущие поколения нравственно здоровыми и любящими свою Родину людьми.

Таким образом, в наш век вечного ускорения и быстроменяющихся событий, несмотря на дефицит времени и конкуренцию с короткими цифровыми форматами, привычка к чтению сохраняется у большинства населения нашей Страны, а это значит, что при идеологически грамотной политике государства по популяризации чтения, продолжающейся работе по созданию единых государственных линеек учебников, высоки шансы в будущем не допустить распространения синдрома интеллектуального дефицита среди новых поколений и остаться думающей, творчески мыслящей, интеллектуальной нацией, уважающей свою историю, традиции и национальную идентичность.

Очень точно подметил Владимир Мединский: «Пока люди читают и пишут, наша планета остается планетой людей».

*Митин Сергей Герасимович,
член Союза писателей России*

*Mitin Sergey Gerasimovich,
member of the Writers'
Union of Russia*

ПОБЕДА НАД ШВЕЦИЕЙ. ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ «АРАКЧЕЕВ – 200 ЛЕТ СПУСТЯ»

VICTORY OVER SWEDEN. EXCERPT FROM THE BOOK "ARAKCHEEV – 200 YEARS LATER"

Аннотация: Отрывок из книги «Аракчеев – 200 лет спустя». В книге рассказано о графе Аракчееве прежде всего с позиций сегодняшнего времени с позиций современного состояния России. Нам нужны сегодня наши национальные патриоты и герои и они у нас есть. ОНИ ВСЕГДА У РОССИИ БЫЛИ. И история нашей Родины это подтверждает. Автор постарался рассказать об одном из этих патриотов – Алексее Андреевиче Аракчееве. Долгие годы этот человек был оболган и незаслуженно представлен неграмотным солдафоном и злодеем. Раскроем лишь один из эпизодов его военного таланта и воли. Война с Швецией и завоевание Финляндии.

Ключевые слова: История России, граф Аракчеев, Русско-шведская война 1808–1809, патриотизм, военная история

После Аустерлица война с Францией вспыхнула с новой силой. В сентябре 1806 года Наполеон объявил войну Пруссии, а 15 октября торжественно вступил в Берлин.

Россия, верная союзническому долгу, 16 ноября объявила войну Франции. Решаю-

щее сражение этой кампании произошло 2 июня 1807 года под Фридландом. Русская армия под командованием генерала Л.Л. Беннигсена потерпела тяжелое поражение. Потери русской армии составили от 10 до 20 тысяч человек убитыми и ранены-

Abstract: An excerpt from the book "Arakcheev – 200 years later". The book tells about Count Arakcheev primarily from the perspective of today's time from the perspective of the current state of Russia. We need our national patriots and heroes today, and we have them. RUSSIA HAS ALWAYS HAD THEM. And the history of our Homeland confirms this. The author tried to tell about one of these patriots, Alexei Andreevich Arakcheev. For many years, this man was slandered and unfairly presented as an illiterate soldier and a villain. We will reveal only one of the episodes of his military talent and will. The war with Sweden and the conquest of Finland.

Keywords: History of Russia, Count Arakcheev, Russian-Swedish War of 1808–1809, patriotism, military history

ми, а также захвачено около 80 орудий. Французы, в свою очередь, потеряли от 7 до 12 тысяч человек.

Поражение привело к подписанию Тильзитского мира, который был заключен императором Александром I и Наполеоном в Тильзите (ныне го-

род Советск Калининградской области РФ). 25 июня и 9 июля 1807 года там были подписаны договоры между Францией и Россией, Францией и Пруссией. Одновременно с договором Россия и Франция подписали секретный трактат об оборонительном и наступательном союзе. Страны обязывались вести совместные военные действия во всякой войне против любой европейской державы, не заключая при этом сепаратного мира. В случае отказа Великобритании от русского посредничества в переговорах с Францией, Россия обязывалась разорвать с Великобританией дипломатические отношения и примкнуть к Континентальной блокаде Англии, проводимой Францией.

Тильзитский мир имел неравноправный характер. Он унижал национальное достоинство Пруссии и противоречил коренным экономическим и политическим интересам России. Присоединение к Континентальной блокаде ограничивало самостоятельность русского правительства и отрицательно сказывалось на состоянии внешней торговли, наносило огромный удар по русской экономике и финансам.

Создание у российских границ зависимого от Франции Варшавского королевства ухудшило стратегическое положение России.

Поражения в войнах показали императору Александру I всю глубину кризиса в армии. Устаревшая организация, слабое штабное управление

— только верхушка проблем русской армии. В результате 1 января 1808 года на пост военного министра был назначен граф Аракчеев. Спустя полгода, Ростовский мушкетерский полк был переименован в полк имени графа Аракчеева «в доказание признательности Его Императорского Величества к ревностной службе и неусыпной деятельности военного министра».

Предыдущий министр – первый в истории страны – военный министр С.К. Вязмитинов возглавлял министерство с 1802 года. Это был граф из старинной дворянской фамилии, профессиональный военный, получивший генерала в 42 года, участник многих войн. Он служил Оренбургским генерал-губернатором, генерал-губернатором Малороссии, сенатором и вице-президентом Военной коллегии. Тем не менее, он был уволен из-за серьезных беспорядков в делах министерства и злоупотреблений властью. И первоначально – без содержания и благодарности. Аракчеев, узнав об этом, убедил императора уволить Сергея Кузьмича со всеми почестями, с сохранением содержания и правом ношения формы. Военный министр заслуживает монаршего уважения! – полагал новый министр.

Тильзитский мир развязал России руки на северном направлении. Швеция поддерживала Англию и отказалась вступать в европейскую коалицию по торговой блокаде Альбиона. Кроме этого, английский флот при поддерж-

ке шведов представлял определенную угрозу для России, и прежде всего для ее столицы — Санкт-Петербурга. 9 февраля 1808 года русские войска пересекли границу со Швецией.

В феврале 1808 г. они под предводительством графа Фёдора Фёдоровича Буксгевдена перешли финскую границу и начали наступление на столицу княжества г. Або (ныне г. Турку), и взяли его 10 марта 1808 года. Видя успехи своих войск, 20 марта (1 апреля) 1808 года Александр I объявил о том, что покоренная силой российского оружия Финляндия «навсегда присоединяется к Российской Империи», частью которой она и оставалась до смены режима уже в XX веке. 16 марта была опубликована декларация:

«Его Императорское Величество возвещает всем державам европейским, что отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась шведскою, и которую войска российские не иначе могли занять, как выдержав разные сражения, признается областью, российским оружием покорённую, и присоединяется навсегда к Российской Империи». 20 марта 1808 г. последовал манифест, которым к населению России, было объявлено о присоединении Финляндии к России в качестве Великого княжества.

Русское правительство обязывалось сохранять её прежние законы и сейм.

Роль Аракчеева не ограничилась военными действиями. Он также взял на себя

сложнейшую задачу по организации управления на завоеванных территориях, налаживанию мирной жизни в крае. В его компетенцию входила широкая переписка с командующим армией «о порядке предоставления отпуска офицерам, о задолженности населения Финляндии за поставки и другое».

Боевые действия в Швеции шли с переменным успехом. Противник успешно контраковал. Опять сказывались организационные недостатки и сложности с обеспечением войск. Осторожный граф Буксгевден на посту командующего русской армией был заменен на Б.Ф. Кнорринга. Но и Кнорринг, ссылаясь на распутицу и невозможность снабжения, саботировал приказ императора начать наступление на Стокгольм.

Император Александр I вынужден был направить в Финляндию Аракчеева — по сути, для «прорыва обороны» собственных генералов. Прибыв 20 февраля 1809 года в главную квартиру в Або, Аракчеев не стал вступать в долгие дискуссии. Аракчеев отверг все возражения Богдана Федоровича Кнорринга и М.Б. Баркляя-де-Толли, настаивая на немедленном исполнении высочайшей воли. Было принято решение скрытно перейти по льду через Ботнический залив и ударить в тыл шведам. Переход осуществить в самом узком месте залива через пролив Кваркен, соединяющий северную и южную части Ботнического залива. Это самое короткое расстоя-

ние между двумя берегами, примерно 75 километров. На довод главнокомандующего об опасностях шестисуточного перехода по льду в сильный мороз Аракчеев ответил знаменитой фразой: «Усердие и твердость русских войск все преодолеют». В ответ на жалобы Баркляя на недостаток инструкций Аракчеев написал: «...Генерал с вашими достоинствами в оных и нужды не имеет. <...> На сей раз я желал бы быть не министром, а на вашем месте, ибо

министров много, а переход... Провидение предоставляет одному Баркляю-де-Толли».

Суровыми зимами, а зима 1809 года была именно такой, пролив Кваркен замерзает. Но зимний путь по нему опасен. Широкие полыньи и трещины во льду заносятся снегом, становятся невидимыми и грозят путнику провалом в бездну ледяной воды. Кроме этого, в декабре 1808 года и затем в январе 1809 лед в проливе дважды ломался из-за волнения моря. Лютая стужа и ура-

ганный северный ветер еще более затрудняли переход через пролив. Но приказания министра Аракчеева требовали безусловного исполнения. Были посланы два небольших отряда разведчиков из состава Преображенского полка и казаков под командованием капитана графа Толстого и войскового старшины Киселева 2-го. Разведчики добрались до противоположного берега, узнали дорогу и количество шведских войск и благополучно вернулись обратно, доложив о крайне сложном пути по льду. Поэтому к оснащению войск отнеслись чрезвычайно тщательно. По указанию Аракчеева командовал сводным отрядом командир Васковского корпуса генерал-лейтенант М.Б. Барклай-де-Толли.

Благодаря распорядительности и настойчивости Аракчеева удалось победить все препятствия к подготовке знаменитого перехода русской армии по льду Ботнического залива на шведский берег. Усилиями Аракчеева войска получили теплую одежду, валенки, рукавицы, сало и водку для согрева во время ледового перехода. Аракчеев выступил не просто как военный министр, а как катализатор, который своей железной волей и административными способностями заставил армию преодолеть сомнения и выполнить приказ. И в марте 1809 года корпус Барклай-де-Толли совершил бес-

примерный переход по льду и занял шведский город Умео. Русские корпуса под командованием Багратиона и Барклай-де-Толли создали прямую угрозу столице Швеции. Были захвачены шведские склады с продовольствием и боеприпасами.

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ. МАРТ 1809 ГОДА

В апреле 1809 императором Александром I была учреждена медаль «За переход на шведский берег». Ей награждались солдаты отряда М.Б. Барклай-де-Толли, участники перехода через пролив Кваркен.

20 марта 1809 года генерал-лейтенант Барклай-де-Толли был произведен в генералы от инфантерии, а 29 марта назначен главнокомандующим Финляндской армией

и генерал-губернатором Финляндии.

В результате этой победы 5 сентября 1809 г. в городе Фридрихсгаме (ныне г. Хамина, Финляндия) между Россией и Швецией был подписан мирный договор.

Фридрихсгамский мирный договор, который завершил двухлетнюю русско-шведскую войну 1808–1809 годов. Швеция уступила России всю территорию Финляндии, включая Аландские острова. Финляндия вошла в состав Российской империи на правах широкой автономии как Великое княжество Финляндское и просуществовала так до 1917 года.

Русско-шведская война (1808–1809) стала для Аракчеева не просто эпизодом биографии, а звездным часом военного администратора. Именно его железная воля и непреклонность обеспечили России блестящую победу.

Аверьянов
Константин Александрович,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской
истории РАН,

Averyanov
Konstantin Aleksandrovich,
Doctor of History, Leading
Researcher, Institute of Russian
History of Russian Academy
of Sciences.

КАК КНИГА М.Е. САЛТЫКОВА–ЩЕДРИНА ОКАЗАЛАСЬ В БИБЛИОТЕКЕ МАРКСА?

HOW DID M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S BOOK END UP IN MARX'S LIBRARY?

Аннотация. Известно, что Карл Маркс всего за три месяца смог освоить русский язык, на котором стал читать довольно бегло. Это удалось ему благодаря знакомству с тогдашними новинками русской художественной литературы. Одной из таких книг стало «Убежище Монрепо» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Но каким образом эта книга попала в библиотеку Маркса? Это стало возможным благодаря Н.А. Каблукову, поскольку в книге была описана история приобретения писателем имения Витенево под Москвой, где жил Н.А. Каблуков.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, Карл Маркс, Фридрих Энгельс, «Убежище Монрепо», Н.А. Каблуков, Витенево.

Abstract. It is well known that Karl Marx mastered Russian in just three months, becoming quite fluent in it. This was achieved through his familiarity with the latest Russian literature of the time. One such book was "The Mon Repos Refuge" by M.E. Saltykov-Shchedrin. But how did this book end up in Marx's library? It was made possible thanks to N.A. Kablukov, as the book described the writer's acquisition of the Vitenyovo estate near Moscow, where N.A. Kablukov lived.

Keywords: M.E. Saltykov-Shchedrin, Karl Marx, Friedrich Engels, "The Mon Repos Refuge," N.A. Kablukov, Vitenyovo.

В 2026 г. исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826-1889). Еще при жизни он стал по-европейски знаменит, а одна из его книг оказалась в библиотеке Карла Маркса.

Известно, что Маркс и Энгельс владели русским языком. Интерес к России усилился у классиков марксизма в 60-е и 70-е годы XIX в., когда после отмены крепостного права в 1861 г. они полагали, что это должно было приве-

сти к возникновению рабочего движения в России. Энгельс начал изучать русский язык по сочинениям русских классиков – Пушкина, Грибоедова¹. По одной версии его «штудии» начались в декабре 1850 г., по другой – во время

¹ Сазонов В.В. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса // Книга. Исследования и материалы. Сборник ХLI. М., 1980. С. 225

*М.Е. Салтыков-Щедрин.
Портрет художника
И.Н. Крамского (1879 г.)*

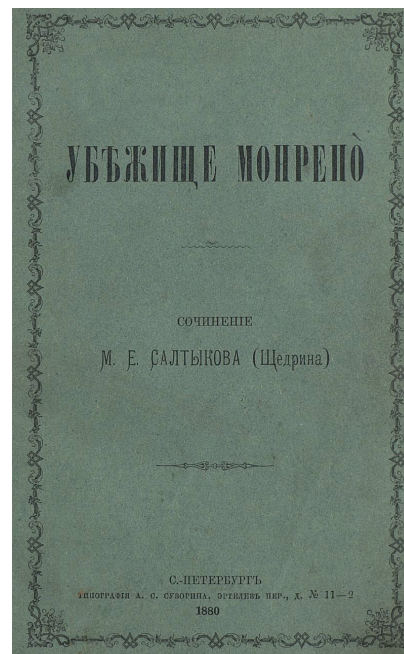
Крымской войны 1854–1856 гг.

Впрочем, в течение последующих двух десятилетий Энгельс так редко брался за русские книги, – если он вообще брался за них в эти годы, – что русский язык был им основательно подзабыт.

Маркс начал читать по-русски в 1869 г., когда ему было больше 50 лет. Это было необходимо для работы над вторым и особенно третьим томом «Капитала», в котором он намеревался дать раздел о земельной ренте преимущественно на основе русских источников. Изучать их по западноевропейской литературе или пользоваться услугами переводчиков было невозможно. Требовалось

самостоятельное знакомство с ними на языке оригинала. Рассказывают, что Марксу потребовалось всего три месяца, чтобы начать читать по-русски. Первой книгой для него стали «Былое и думы» А.И. Герцена, которую ранее изучал Энгельс и на которой остались его многочисленные пометки с переводами русских слов. На последней странице книги имеется запись Маркса, что он закончил работу над ней 9 января 1870 г. А уже 22 января 1870 г., поздравляя Маркса с успехами в русском языке, Энгельс прибавлял, что эти успехи особенно хороши потому, что он, Энгельс, совсем растерял все свои познания в этом языке².

Чуть позже, в одном из писем от 21 января 1871 г. Маркс писал: «Мне пришлось самому заняться изучением русского языка, на котором я теперь читаю довольно бегло»³. Вскоре у него образовалась исключительная по ценности коллекция изданий, в том числе изданных подпольно, по социально-экономическим и политическим проблемам пореформенной России. Ознакомившийся с ней уже после смерти Маркса революционер-народник С.М. Кравчинский писал, что земских изданий, достаточно полно представленных в библиотеке Маркса, не было даже в Британском музее, славившимся

*Обложка первого издания
«Убежища Монрепо» 1880 г.*

своим собранием⁴.

Среди обилия исследовательской литературы в библиотеке Маркса своеобразной аномалией выглядит книга «Убежище Монрепо. Сочинение М.Е. Салтыкова (Щедрина)», изданная в Санкт-Петербурге в 1880 г. в типографии А. Суворина⁵. При этом сохранившиеся пометки на книге, особенно в начале, показывают, что Маркс ее внимательно читал. Что же заинтересовало его в книге?

В первую очередь это любопытная история приобретения писателем подмосковного имения в селе Витенева, красочно описанная им в первой главе «Убежища Монрепо»:

² Николаевский Б. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса (материалы для изучения их отношения к России) // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. 4. М.; Л., 1929. С. 360. Прим. 2; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 32. М., 1964. С. 349.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 33. М., 1964. С. 147.

⁴ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 210.

⁵ Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979. С. 147.

«Имение это я приобрел тотчас вслед за уничтожением крепостного права и купил, надо сказать правду, довольно безобразно. Во-первых, осматривал имение зимой, чего никто в мире никогда не делает; во-вторых, напал на продавца-старичка, который в церкви во время литургии верных приходил в восторженное состояние – и я поверил этой восторженности. Старичок служил когда-то по провиантскому ведомству и потому был благодушен и гостеприимен. Зазвал меня обедать, накормил настоящим малороссийским борщом и угостил киевской наливкой. Потом сам поехал со мной осматривать усадьбу, где велел сварить суп из курицы и зажарить карасей в сметане, причем говорил: «Курица эта здешняя, караси тоже из здешнего пруда, а в реке, кроме того, водятся язи, окуни и вот этакие лини!»

Затем начался осмотр. Выйдя на крыльцо господского дома, он показал пальцем на синеющий вдаль лес и сказал: «Вот какой лес продаю! сколько тут дров одних... а?» Повел меня в сенной сарай, дергал и мял в руках сено, словно желая убедить меня в его доброте, и говорил при этом: «Этого сена хватит до нового с излишечком, а сено-то какое – овса не нужно! Повел на мельницу, которая, словно нарочно, была на этот раз в полном ходу, действуя всеми тремя поставами, и говорил: «здесь сторона хлеб-

ная – никогда мельница не стоит! а ежели еще маслобойку да крупорушку устроите, так у вас такая толпа завсегда будет, что и не продерешься!» Сделал вместе со мной по сугробам небольшое путешествие вдоль по реке и говорил: «А река здесь какая – веселая!» И все с молитвой. Скажет, и перекрестится, и значками вверх поведет, и губами пошевелит, словно на вся и на всех призывает благословение божие. Только в заключение рассердился. Погрозился кулаком на крестьянский поселок, населенный новоиспеченными временнообязанными, и присовокупил: «Все из-за них, канальев! Кабы не они, подлецы, кажется, ни в жизнь бы из этого рая не выехал!»

Словом сказать, очаровал меня искренностью. И что еще больше мне понравилось: слабых сторон имения не скрыл. «Вот службы – легонькие, это – так! и озимое по милости подлецов незасеянное осталось – это тоже скрыть не могу!»...

Поэтому, когда я покончил с вопросом о подмосковной, то есть совершил купчую крепость и вступил во владение, то сонное видение еще некоторое время продолжалось, несмотря на то, что сейчас же обнаружились факты, которые должны были бы самого заспанного человека заставить прийти в себя. А именно: густой и высокий лес, на который мне указывал пальцем старичок-продавец, оказался

*Салтыкова (Болтина)
Елизавета Аполлоновна –
жена писателя*

чужой, а мой лес был низенький и редкий; вместо полных сенных сараев оказались искусно выведенные из сена стенки, за которыми скрывалась пустота; на мельнице помолу обнаружилось мало, да и воды не всегда достаточно; сено на лугах «временем родится», а «временем – нет», да и сено – «с осочкой». Одно вышло справедливо: службы были легонькие, то есть совсем ветхие, а речка действительно веселая: излучистая, сверкающая и вся в зеленых берегах.

Тем не менее, я не впал в уныние и начал деятельно приспособляться в своем новом гнезде»⁶.

На момент покупки имение, приобретенное на имя жены – Елизаветы Аполлоновны Болтиной (1839–1910), представ-

⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 13. Господа Головлевы. 1875–1880. Убежище Монрепо. 1878–1879. Круглый год. 1879–1880. М., 1972. С. 265–268.

Н.А. Каблуков

ляло собой 680 десятин земли с лесом, угодьями, торфяными болотами, водяной мельницей с плотиной. Господский дом стоял на высоком берегу реки Учи, он был одноэтажным с бельведером, выполнен был из дерева, но на каменном фундаменте. В доме имелось 12 комнат и длинный, по всему фасаду, балкон, обращенный к реке. Сзади дома был сад, к нему примыкал парк, переходящий в лес. Дорожка через сад вела к купальне.

На первых порах писатель пытался наладить все хозяйственные процессы во вновь приобретенном имении и лично проконтролировать буквально все. Но из занятий одновременно сельским хозяйством и литературой мало что получилось. «Я в деревне решительно ничего не могу делать: маленькие дела решительно отвлекают меня... Убедительно Вас прошу заехать ко мне в деревню, хотя б переночевать» – писал он в Москву Н.А. Некрасову из Витенева 5 октября 1864 г.⁷

Вскоре Салтыков оставил затею экономически выгодного хозяйства в Витеневе, и с этого момента почти вся земля отдавалась внаймы, а имение стало рассматриваться писателем исключительно как дача.

На последующие 15 лет оно стало постоянным местом его летнего отдыха. В «Убежище Монрепо» он писал: «При таком упрощенном взгляде дело шло кое-как ровно пятнадцать лет. Я ездил по летам в свое собственное Монрепо и не без удовольствия взирал на «веселую» речку, которая сверкала перед самыми окнами господского дома. По временам на островок, образуемый мельничной запрудой, налетал соловей и грохотал и заливался всю ночь. Это тоже доставляло удовольствие, хотя и кратковременное, потому что к утру соловей уже был непременно подкараулен и изловлен фабричными из со-

седнего села. Во всяком случае, я жил без мучительных помыслов о дожде или ведре, без легкомысленных догадок о том, что в данную минуту происходит в поле: произрастает или не произрастает. Ничего «своего» у меня не было, так что за каждой безделицей я посылал в Москву, и, к удивлению, все выходило и лучше и дешевле, нежели при хозяйственной заготовке. Был у меня, правда, небольшой огород, каждую весну засаживаемый неумелыми руками, но и он не заставлял моего сердца сжиматься, так как я с первого же года понял, что овощи в этом огороде будут поспевать как раз ко дню моего выезда из деревни в город»⁸.

Здесь писателем были созданы многие известные произведения: «Помпадуры и помпадурши», «История одного города», «Письма из провинции» и другие. Будучи редактором двух крупнейших

Союз писателей России.
Литературная премия «Щедрое слово»

7 Там же. Т. 18. Кн. 1. Письма. 1839–1868. М., 1975. С. 293.

8 Там же. Т. 13. С. 268–269.

журналов XIX в. – «Современника» и «Отечественных записок», находясь в Витене-ве, он постоянно вел деловую переписку с П.В. Анненковым, Н.А. Некрасовым, Н.К. Михайловским, А.И. Урусовым, И.С. Тургеневым.

В целом отношения с при-слугой в Витене-ве складыва-лись у Салтыковых не лучшим образом: регулярно происхо-дила почти полная смена со-става. Люди приходили и ухо-дили, бессменным оставался лишь управляющий усадьбой – Алексей Федорович Каблуков, наемный управляющий, который был приглашен сюда присматривать за усадьбой и поддерживать порядок в пе-риод отсутствия владельцев.

Родом из крепостных кре-стьян калужского помещика Тутолмина, Алексей Федоро-вич тем не менее был обучен грамоте и в 1829 г. был от-правлен в Петербург обучать-ся на зубного лекаря. После смерти Тутолмина в 1837 г. он получил, по его завещанию, вольную и, сдав экзамены на диплом в Московском универ-ситете, поступил врачом для крестьян, сначала к графу Па-нину, в усадьбу Марфино, а потом, в 1856 г., к мелкопом-естному помещику Крымову, владельцу соседнего с Вите-невом сельца Пруссы. В 1867 г. писатель по рекомендации вдовы умершего Крымова, Марии Ивановны, обратился к Каблукову с просьбой взять на себя присмотр за Витене-вом.

Церковь в Витене-ве. Фотография 1926 г.

Предложение было принято, что положило десятилетней (главным образом хозяйствен-ной) переписки Салтыкова и его жены с Каблуковым, из ко-торой видно, что между ними установились весьма довери-тельные, близкие отношения. Она продолжалась вплоть до 1877 г., когда Витенево было продано⁹.

Старшим сыном Алексея Федоровича был Николай Алексеевич Каблуков (1849–1919). Своей карьерой он был во многом обязан М.Е. Салты-кову-Щедрину. 31 марта 1871 г. он писал в Витенево: «Мно-гоуважаемый Алексей Федо-рович, мне кажется, старший сын Ваш нынешним летом кончает курс в Университете. Если это так, тоя имею хоро-ший случай для определения его на службу»¹⁰. Благодаря

содействию писателя Н.А. Ка-блуков устроился на службу в Окружной суд в Пензе осенью того же года.

Уже современниками он оценивался как «один из вы-дающихся земских статисти-ков». Им в конце 1870-х годов были собраны и обработаны статистические сведения по Московской губернии, став-шие едва ли не первой под-робной разработкой предме-та, основанной на массовом научном наблюдении и осве-щающей вопрос с народнохо-зяйственной точки зрения. Не-удивительно, что в 1879–1881 гг. Московский университет командировал его за грани-цу, где Каблуков работал в Страсбурге, Берлине, Галле, Париже и Лондоне¹¹.

Судя по всему, он познако-мился с Энгельсом через по-

⁹ Там же. Т. 18. Кн. 1. С. 307.

¹⁰ Там же. Т. 18. Кн. 2. Письма. 1868–1876. М., 1976. С. 71.

¹¹ Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 26. Исторические журналы – Калайдович. СПб., 1894. С. 791.

Витенево. Наши дни

средство своей будущей жены Мины Карловны Горбуновой (1840–1931), о чем свидетельствует переписка Энгельса в июле – августе 1880 г. на ее запросы о литературе по поводу английских ремесленных школ¹².

Мина Карловна (урожденная Леман, в первом браке Горбунова) была внучкой лифляндского просветителя и публициста Г. Меркела (1769–1850). Получив домашнее образование, сдала экзамен на звание учительницы, преподавала в ремесленных школах для девушек, а в 1873 г. получила от московского Николаевского института – женского учебно-воспитательного

учреждения – командировку за границу для изучения женского профессионального образования, а затем преподавала в названном институте¹³. В начале 1880-х годов она вышла замуж за Н.А. Каблукова. И хотя он был моложе жены на 9 лет, это был на редкость счастливый и долгий брак.

Чуть позже состоялось личное знакомство Н.А. Каблукова с Марксом. О нем становится известным из письма Маркса 19 февраля 1881 г. переводчику «Капитала» на русский язык Н.Ф. Даниельсону: «В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим... г-н Каблуков (из Москвы) Они

целыми днями работали в Британском музее»¹⁴. Из письма Маркса Н.Ф. Даниельсону от 18 июня 1892 г. известно, что он продолжал следить за выходящими книгами Н.А. Каблукова¹⁵.

Сам же Н.А. Каблуков позднее вспоминал: «Вторую половину 1880 г. жил в Лондоне, занимаясь ежедневно в библиотеке Британского музея и проводя часть дня совместно с занимавшимся в то время там же И.И. Янжулом, с его супругой Е.Н. Янжул и с Н.И. Зибером, работавшим тогда над своей книгой «Очерки первобытной экономической культуры», по поводу которой мы много беседовали с ним. С ним же вместе неоднократно бывал я у К. Маркса и Ф. Энгельса, которые охотно принимали нас и познакомили со своими семьями»¹⁶.

«Убежище Монрепо» публиковалось сначала М.Е. Салтыковым-Щедриным в «Отечественных записках» в 1878–1879 гг.¹⁷, а в 1880 г. вышло отдельным изданием. В это время Н.А. Каблуков находился в Лондоне.

Новая книга крайне заинтересовала Н.А. Каблукова. Поскольку его отец Алексей Федорович постоянно проживал в Пруссии, и ему было неудобно каждый день уезжать домой, писатель еще в 1874 г. продал ему часть имения

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 34. М., 1964. С. 355–360 (письма от 22 июля, 2 и 5 августа 1880 г.)

¹³ О ней см.: Лаврентьева Л.С. Немецкие корни в женском профессиональном образовании России (конец XIX – начало XX в.) // Немцы в Санкт-Петербурге. XVIII–XIX вв. Биографический аспект. СПб., 2015. С. 253–258.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 35. М., 1964. С. 130.

¹⁵ Там же. Т. 38. М., 1965. С. 315–316.

¹⁶ Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. С. 76.

¹⁷ Отечественные записки. 1878. № 8. С. 461–488; 1879. № 2. С. 569–602; № 8. С. 489–514; № 9. С. 214–244.

в Витенева, где большое семейство Каблуковых обосновалось на долгие годы. Вероятно, книгу ему переслала Мина Карловна. Уезжая в Россию в 1881 г., Н.А. Каблуков оставил «Убежище Монрепо» Марксу, в библиотеке которого оно сохранилось до наших дней.

Что касается последующей судьбы Витенева, она до конца не исследована. Накануне революции владельцем усадьбы был гласный Московской городской думы Ни-

колай Петрович Вишняков. В 1920-е годы усадебного дома уже не было. В 1932–1937 гг., во время строительства канала Москва–Волга, его трассу провели сквозь территорию имения Салтыкова-Щедрина. После устройства плотины и образования Учинского водохранилища уровень воды поднялся на 6 м. 28 февраля 1936 года Мособлисполком принял решение о немедленном сносе церкви в Витенева – был взорван каменный Успенский храм, построенный

в 1714 г. тогдашним владельцем имения Матвеем Алексеевичем Головиным, на который когда-то выходили окна кабинета писателя. По воспоминаниям старожилов, храм пришлось взрывать дважды: в первый раз он устоял после взрыва. Повторный произвели через две недели. От имения на противоположном берегу канала уцелели только остатки парка. Лишь в 2000 г. на прежнем месте был возведен деревянный храм Успения Божией Матери¹⁸.

Библиография

Лаврентьева Л.С. Немецкие корни в женском профессиональном образовании России (конец XIX – начало XX в.) // Немцы в Санкт-Петербурге. XVIII–XIX вв. Биографический аспект. СПб., 2015. С. 253–258.

Николаевский Б. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса (материалы для изучения их отношения к России) // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. 4. М.; Л., 1929.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.

Т. 32. М., 1964.

Т. 33. М., 1964.

Т. 34. М., 1964.

Т. 35. М., 1964.

Т. 38. М., 1965.

Отечественные записки.

1878. № 8. С. 461–488.

1879. № 2. С. 569–602; № 8. С. 489–514; № 9. С. 214–244.

Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1979.

Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969.

Сазонов В.В. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса // Книга. Исследования и материалы. Сборник XLI. М., 1980.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в двадцати томах.

Т. 13. Господа Головлевы. 1875–1880. Убежище Монрепо. 1878–1879. Круглый год. 1879–1880. М., 1972.

18. Кн. 1. Письма. 1839–1868. М., 1975.

Т. 18. Кн. 2. Письма. 1868–1876. М., 1976.

Соловьева О. Дачная жизнь Салтыкова-Щедрина // <https://urban-pushkino.ru/krayevedeniye/dachnaya-zhizn-saltykova-shhedrina/?ysclid=mn96yrwe5k280479769>

Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 26. Исторические журналы – Калайдович. СПб., 1894.

¹⁸ Соловьева О. Дачная жизнь Салтыкова-Щедрина // <https://urban-pushkino.ru/krayevedeniye/dachnaya-zhizn-saltykova-shhedrina/?ysclid=mn96yrwe5k280479769>

ЦИФРОВОЙ ФРОНТ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

**Таньшина
Наталья Петровна,**
доктор исторических наук,
профессор, ведущий
научный сотрудник
Института международных
исследований, МГИМО
МИД России, профессор
кафедры всеобщей истории
Института общественных наук
РАНХиГС при Президенте
РФ, ответственный секретарь
Научного совета РВИО.

Tanshina Natalia Petrovna,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, Leading Researcher
at the Institute of International
Studies, MGIMO University of
the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Professor at the Department of
General History at the Institute
of Social Sciences of the
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration, Executive
Secretary of the Scientific
Council of the Russian Military
History Society.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

INFORMATION WARS IN THE PAST AND PRESENT

Аннотация: В центре внимания статьи — информационные войны против России в исторической ретроспективе. В статье анализируются истоки информационных кампаний против России, восходящие к Ливонской войне, в ходе которой печатались и распространялись «летучие листки; «война перьев» Северной войны; наполеоновская антирусская пропаганда, «журнальные войны» между Россией и Францией 1830-1840-х гг., которые в итоге вылились в Крымскую войну. В статье делается вывод о том, что идеологемы русофобского образа устойчиво воспроизводятся из столетия в столетие. Поэтому после начала Специальной военной операции они вновь оказались очень востребованными в пропагандистской риторике Запада. Расширился лишь охват аудитории и скорость распространения информации, к которым добавились самые передовые цифровые технологии. В то же время, если в прежние

столетия информационные войны являлись дополнением к боевым действиям, то сейчас они превратились не просто в равноценный, но в более эффективный способ ведения войны.

Ключевые слова: информационные войны, «журнальные войны», «летучие листки», Ливонская война, Крымская война, III Отделение, Специальная военная операция.

Abstract: The article focuses on information wars against Russia in historical perspective. It analyzes the origins of information campaigns against Russia, which can be traced back to the Livonian War, where «flyers» were printed and distributed; the «war of feathers» during the Great Northern War; Napoleon's anti-Russian propaganda; and the «journalistic wars» between Russia and France in the 1830s and 1840s, which eventually led to the Crimean War. The article concludes that the ideologemes of

the Russophobic image have been consistently reproduced from century to century. Therefore, after the start of the Special Military Operation, they have once again become very popular in the West's propaganda rhetoric. The only thing that has changed is the reach of the audience and the speed of information dissemination, which have been enhanced by the use of advanced digital

technologies. However, while information wars were once an adjunct to military operations, they have now become not only an equivalent but also a more effective means of warfare.

Keywords: information wars, «magazine wars», «flyers», Livonian War, Crimean War, Third Sec-tion, and Special Military Operation.

**Sehr grewliche erschreck
liche / vor vnerhörte / warhafftige Newe
Zeitung / was für grauwsame Tyranny / der Mosco-
witer / an den Gefangenen / hinwegt gefürten Christen
aus Lysland / beides an Damen vnd Frauen / Junck-
frauen vñ Kleinen Kindern / begehbet / Vnd was täglich
schadens er ihnen in ihrem Land zufüget / Bey neben
angezeigt / in was großer fähr vnd not die Lyslander
secken. Allen Christen zur warnung vnd besse-
rung ihres Sündlichen Lebens. Aus
Lysland geschriben / vñ im
Druck verfertiget.
1561.**

Понятие «информационные войны» (когнитивные, ментальные) прочно вошло не просто в наш лексикон, но в нашу повседневную жизнь. Однако как явление они имеют очень давнюю историю, и в годы вооруженных противостояний «войны перьев» были важным подспорьем реальных баталий¹.

В том, что касается информационных войн между Россией и Западом, в качестве отправной точки можно считать «летучие листки» времен Ливонской войны (1558-1583), которую современные историки называют первой войной

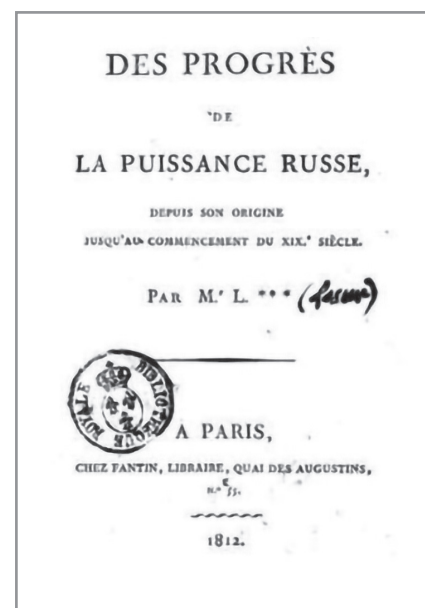
между Россией и Европой.

Это были небольшие, написанные простым стилем, преимущественно на немецком и польском языках тексты, которые печатались большими тиражами и оперативно расходились по Европе. Они распространялись в публичных местах, например, на ярмарках с целью мобилизовать общество на борьбу с Москвией, совершившей «агрессию» против незащитной Ливонии. «Агрессия» москвита против «христианского мира» рисовалась самыми мрачными красками: русские описывались как «кровавые псы», «вековечные жестокие враги», не щадившие ни женщин, ни детей. Простые тексты сопровождались соответствующими иллюстрациями. Характерно, что применимо к русским применялись те же уничижительные характеристики, которые использовались по отношению к туркам. Это было вовсе не случайно, потому что образцом для «летучих листков» были антитурецкие памфлеты, в большом количестве издававшиеся на протяжении XVI в.²

Летучие листки», которые можно считать предше-

ственниками периодической печати и прообразом современных соцсетей, оказали значительное влияние на создание отталкивающего образа Московского государства и формирование стойких стереотипов.

Все это наглядно проявилось в годы Северной войны, когда европейцы увидели перед собой не отсталую варварскую Московию, какой они привыкли представлять нашу страну, а мощную и амбициозную державу. Северная война дала импульс к столкновению между Россией и Европой на поле газетно-публицистиче-

¹ Подробнее см.: Таньшина Н.П. Русофобия. История изобретения страха. М., 2023.

² Филюшкин А. Stéfane Mund, ORBIS RUSSIARUM: Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 563.

Гравюра неизвестного автора 1814 г. Казак верхом на коне из добычи

ской пропаганды: именно тогда началась «война перьев» или «война памфлетов».

В следующем столетии боевая пропаганда становится неотъемлемым элементом военных кампаний. Наиболее ярким примером является наполеоновская пропаганда, не случайно Наполеона Бонапар-

та называют виртуозом политической пропаганды. Ему не пришлось изобретать велосипед. При создании отталкивающего образа русских варваров он использовал те самые нарративы, которые уже были созданы в ходе Ливонской войны. Русские в наполеоновской пропаганде изображались как варвары Севера, ужасные казаки, у которых человеческого только руки и ноги, мародеры и насильники, пожиратели детей (а тема страданий детей всегда самая чувствительная). В качестве яркого примера пропаганды можно привести гравюру 1814 года под названием «Казак верхом на коне из своей добычи». Если присмотреться, то мы увидим, что конь состоит из обнаженных человеческих тел.

Тогда же, при Наполеоне, была пущена в ход и самая известная русофобская фальшивка — подложное «Заве-

щание Петра Великого», как подтверждение неизменного русского экспансионизма.

Уже находясь в ссылке на острове Святая Елена, где Наполеон вел свою главную битву, за историческую память, он оправдывал свою войну против России тем, что это была война во имя «европейскости и континентализма»: «...это была война здравого смысла и подлинных интересов, война ради покоя и безопасности всех; она была исключительно ради мира и сохранения достигнутого...»³ Современные западные политики являются достойными учениками Наполеона Бонапарта в плане антирусской риторики, так же заявляя с самого начала СВО, что поставки вооружения Украине – это исключительно «оружие ради мира». А Эммануэль Макрон, и вовсе в духе наполеоновской дегуманизации русских, заявляет, что Россия – это «хищник» и «людоед».

Очередной всплеск информационных войн пришелся на 1830–1840-е гг. После Июльской революции во Франции и особенно после польского восстания и его подавления на Россию смотрели сквозь призму противопоставления либерализма и самодержавия как на страну, противостоящую прогрессу и неизменно стремящуюся к экспансии.

Западная карикатура на Россию в образе спрута 1900 г.

³ Цит. по: Земцов В.Н. Наполеон в 1812 году: хроника. М., 2022. С. 637.

Европу захлестнула мощная антирусская волна, английские журналисты в 1836 г. пустили в оборот и термин «руссофобия», в Европе публиковалось множество сочинений антирусского содержания, в которых транслировались уже укоренившиеся мифы.

Но главным источником формирования общественного мнения были газеты. Поэтому информационные войны, которые развернулись между Россией и Францией особенно после публикации в 1843 г. книги маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», в отчетах III Отделения называли «журнальными войнами»⁴, от французского *le journal*, то есть газета.

Политика III Отделения во главе с графом А.Б. Бенкендорфом по написанию опровержения на книгу Кюстина была очень активной. В антикюстиновской пропаганде были задействованы выдающиеся умы эпохи. По подсчетам французского исследователя Мишеля Кадо, было написано, по меньшей мере, десять русских опровержений на книгу Кюстина: Кс.Кс. Лабенского, С. Убриля, М.А. Ермолова, Н.И. Греча, Я.Н. Толстого, П.А. Вяземского, И.Г. Головина, Ф.Ф. Вигеля, Ф.И. Тютчева и А.С. Хомякова. Все тексты были изданы

Западная карикатура о т.н. экспансионизме времен И.В. Сталина

отдельными брошюрами, кроме работы Вяземского, которая осталась неопубликованной⁵.

Почему князь Вяземский отказался от публикации своей книги? Главный его аргумент: французы ему все равно не поверят. Он не без оснований писал, что французы верят только родным органам печати и «разделяют веру своего прихода и убеждения своей газеты»⁶.

Отметим, что такова была в целом политика императора Николая I и графа К.В. Нессельроде: взирать на все публикации о России с совершенным равнодушием, полагаться на собственные силы и стараться избегать прямой по-

лемики⁷. Так, К.В. Нессельроде в письме российскому дипломату барону П.К. Мейендорфу от 3 декабря 1839 г. подчеркивал: «...вы знаете, я всегда придерживался мнения, что не надо отвечать на диатрибы иностранных газет. Я еще не видел, чтобы книги или статьи, написанные в нашу пользу, кого-то бы переубедили»⁸.

Это было действительно так, и это прекрасно осознавал и сам маркиз де Кюстин. В своей книге он привел очень точное наблюдение императрицы Александры Федоровны, заметившей в разговоре с ним: «Если мы вам понравимся, вы скажете об этом, но напрасно: вам не поверят; нас

⁴ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 365.

⁵ Очень подробно эта полемика изложена в книге М. Кадо: Cadot Ch. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. Paris, 1967. P. 223-282. См. также: Танышина Н.П. Указ. соч. С.

⁶ Vyazemsky P.A. Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du "Journal des Débats", du 4 janvier 1844 // Cadot M. Op. cit. P. 277.

⁷ Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004. С. 259.

⁸ Nesselrode Ch., de. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. Paris, 1904–1912. T. VII. P. 296.

Русская медведица и ее непобедимый всадник. Екатерина II и Григорий Потемкин против короля Георга III

знают очень мало и не хотят узнать лучше»⁹.

Были в России сторонники и более активных действий на информационном фронте, в частности Ф.И. Тютчев, который был не только поэтом, но и дипломатом. Если позиция Тютчева исследователям хорошо известна, то деятельность Анатолия Николаевича Демидова, предпринимателя, мецената и дипломата, почти не известна. Между тем в 1834 г. он предложил шефу III Отделения А.Х. Бенкендорфу проект популяризации образа России во французской прессе, подготовку и публикацию пророссийских материалов с привлечением известных

французских писателей¹⁰. Этот проект был одобрен графом А.Х. Бенкендорфом, однако без использования перьев иностранных авторов. В 1838–1839 гг. в ведущей французской газете «Le Journal des Débats» была опубликована серия из 12-ти обширных статей, посвященных разным аспектам жизни России в 1838 г., которые в 1840 г. были изданы в виде отдельной книги¹¹. Это была настоящая спецоперация, которая разрабатывалась совместно А.Н. Демидовым, графом А.Х. Бенкендорфом, министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, князем Г.П. Волконским при непо-

средственным одобрении императора Николая.

Однако переломить антирусские настроения во французском обществе и эти публикации не смогли, и это неудивительно: успехи России, ее престиж и влияние вызывали зависть и раздражение, а политические элиты, СМИ запугивали обывателя пресловутой «русской угрозой».

В итоге эта война перьев вылилась в самую настоящую войну, Крымскую. В развязывании Крымской войны, которую называют первой войной современности, решающую роль сыграл именно фактор общественного мнения: градус русофобии в Англии и Франции был настолько высок, что общество было готово к принятию идеи войны с Россией, более того, к этой волне подталкивало.

Как отмечал еще в середине прошлого века американский исследователь Дж.Х. Глисон, автор монографии о русофобии в Великобритании в 1830–1840-е гг., русофобия 1830-х гг. сыграла столь же важную роль в развязывании Крымской войны, что и русофобия 1853 г.¹²

Это выводит на очень важную проблему, связанную с влиянием русофобских настроений на принимаемые политические решения. Об-

⁹ Кюстин А., де. Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с франц. под ред. В. Мильчиной, И. Стаф; под общ. ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной, А. Осповата. М., 2000. Т. 1. С. 224.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 5. Д. 12. Гр. Бенкендорф Александр Христофорович, 1834–1844 гг. Письма А.Н. Демидову от графа А.Х. Бенкендорфа. Проект публикаций в защиту нашего правительства против антирусской прессы. Л. 2–3.

¹¹ Lettres sur L'Empire de Russie publiées dans le Journal des Débats en 1838 et 1839 par N.-T. Paris, 1840.

¹² Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950. P. 276.

щественное мнение становится фактором, не учитывать которое правящие круги уже не могут. Несмотря на то, что газеты и журналы были формально адресованы массовой аудитории, зачастую их действительной целью было стремление повлиять на процесс принятия политических решений¹³.

Как отмечают А.В. Торкунов и В.В. Дегоев, анализируя антирусский информационный психоз на Западе накануне Крымской войны, «по России решили нанести превентивный коалиционный удар, поддавшись, во-первых, совершенно субъективному чувству страха перед ее “зловещими” замыслами, во-вторых, совершенно понятному искушению достичь за ее счет вполне эгоистических целей». В результате противники России «боролись против химеры, не замечая или делая вид, будто не замечают этого»¹⁴. Если мы проанализируем заявления современных европейских политиков, то увидим, что они борются с теми же самыми химерами.

В XIX столетии появились и расовые теории, прямо относящие русских к неполноценным, низшим расам. Наибольшее распространение получила «туранская теория», утверждавшая их переходный (или смешанный) характер между монголоидами и евро-

Новая Великая Китайская стена. Карикатура из американского журнала Puck. 1901 год

пеоидами. «Туранцами» тогда стали именовать все кочевые племена, а в туранскую расу объединять тюрков, монголов и финно-угров¹⁵. В соответствии с этой теорией русские были объявлены не славянами, а потомками смешения крови финно-угров, монголов, тюркских народов и славян.

Особенно активно такой подход в XIX столетии разрабатывался польскими авторами, прежде всего, Франтишек Хенриком Духинским (другое написание фамилии — Духинский). Духинский был просто одержим ненавистью к России, видевшейся ему извечным агрессором, нападавшим на польские земли и потому виновным в трагической судьбе его ро-

дины. Для обоснования идеи о том, что эти земли именно польские и по праву должны принадлежать Польше, он создал особую расовую теорию и псевдоисторическую концепцию. Духинский исходил из привычного для польской культуры представления, что вся Русь входила в состав Польши, а Московия к Руси исторически никакого отношения не имела. В состав Руси он включал не только Западную Русь, но также Литву и бывшие земли Великого Новгорода¹⁶. «Москали» — не только не славяне, но и не христиане «в духе славян и других индоевропейских христиан. До сего дня они пребывают номадами <...> Да, вечно они пребудут туранцами и никогда

¹³ Вайнштейн Г.И. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 1. С. 20.

¹⁴ Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история: Государство. Цивилизация. Внешний мир. М., 2024. С. 493.

¹⁵ Неменский О.Б. Историческая концепция Франтишека Духинского. Часть первая // Вопросы национализма. 2016. № 4 (28). С. 50.

¹⁶ Неменский О. «Чтобы быть Руси без Руси». Украинство как национальный проект // Вопросы национализма. 2011. № 1 (5). С. 100.

не сделаются индоевропейцами. Московиты, крестьяне и дворяне, нравственно гораздо ближе к крестьянину и дворянину китайскому, чем к крестьянину и дворянину белорусскому и малорусскому»¹⁷.

Не имеющие научной основы тексты Духинского были направлены на обоснование необходимости создания буфера между «арийской» Европой и «туранской» Москвой. На роль буфера предназначалась независимая Польша, включающая украинские и белорусские земли, Литву, Прибалтику, Смоленск и Великий Новгород¹⁸.

Антинаучные идеи Духинского нашли большой отклик в Западной Европе. В частности, о них высоко отзывался Карл Маркс, а во Франции, где Духинский сделал блестящую научную карьеру: стал профессором истории в Высшей польской школе, был избран вице-президентом Парижского этнографического общества, стал членом Французского географического общества, у него была масса подражателей, включая именитых историков, таких как Анри Мартен и Элиас Реньо. В феврале 1864 г. в Париже он прочел публичную лекцию, которая привлекла внимание трех тысяч слушателей, среди которых были ведущие французские политики и сам император Наполеон III.

Характерно, что как Духинский, так и французские исторические, призывали к созданию европейской федерации в качестве заслона против экспансии Московии, как они и в XIX столетии продолжали именовать Россию. Анри Мартен, впоследствии ставший академиком, призывал к открытой войне против России: «Борьба между Россией и Европой неизбежна; русский народ может быть изменен только через его поражение в войне и, если Россия не будет побеждена, Европа погибнет. Все битвы между европейцами — это войны гражданские, война с московитами — это война с внешним врагом, война за существование»¹⁹.

Русофобские настроения удалось преодолеть только в конце XIX века, когда изменилась расстановка сил в Европе, а Франция и Великобритания были вынуждены искать союза с Россией. Франция после поражения во Франко-германской войне была вынуждена искать союза с Россией и очень быстро брак по расчету, как французы называли франко-русский союз, был превращен в союз по любви. Смерть императора Александра III была встречена в западноевропейской прессе с нескрываемым сочувствием вовсе не потому, что Александр вошел в историю как Миротворец, а потому что

Россия была нужна как гарант стабильности.

Однако стоит обратить очень важный момент: в это время на волне сближения с Россией русофобские настроения трудно изживались именно из народной среды, как о том писал французский исследователь Мишель Кадо. Почему? Если для элит, которые формировали русофобскую повестку, нагнетание страхов перед «дикой и варварской» Россией являлось лишь технологией, инструментом борьбы против России, то обыватель, обработанный пропагандой, в эти страхи искренне верил.

В результате мифологемы русофобского образа, сформировавшиеся на рубеже Средневековья и Нового времени, в XIX столетии трансформировались в его идеологемы: русский народ не способен к самостоятельному правлению, поэтому русские не могут существовать без рабства; соответственно, власть в России всегда деспотична, а правитель России — неизменно тиран; русским имманентно присуще стремление к постоянной экспансии, усиленное так называемым «православным мессианством», лежащим в основе «русского империализма»; русский народ с его рабской психологией является послушным орудием в руках деспотичной

¹⁷ Цит. по: Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов // Отечественные записки. 1864. Т. CLV. С. 444.

¹⁸ Эти же идеи развивает и современная польская дипломатия. Так, министр иностранных дел Польши Збигнев Рау в интервью французской газете «Le Figaro» заявил, что «Россия в обозримом будущем будет представлять угрозу для мира», поэтому необходимо строить безопасность «без нее», «чтобы защитить Европу» // URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/zbigniew-rau-la-pologne-a-besoin-de-la-france-20230316> (дата обращения: 29.05.2026).

¹⁹ Martin H. La Russie et l'Europe. Paris, 1866. P. 106.

власти; русские не способны к восприятию ценностей европейской цивилизации, а могут лишь копировать ее внешние проявления; Россия — это царство тотальной лжи.

Эти западные идеологемы не меняются и устойчиво воспроизводятся из столетия в столетие. Поэтому после начала Специальной военной операции они вновь оказались очень востребованными в пропагандистской риторике Запада и без особых изменений переключались в пространство нынешних информационных войн. Расширился лишь охват аудитории и скорость распространения информации, к которым добавились самые передовые цифровые и психологические технологии.

После начала Специальной военной операции западные лидеры, сбросив маски толерантности и политкорректности, стали называть вещи своими именами, открыто говоря о России как об экзистенциальном противнике, которого надо уничтожить, нанести стратегическое поражение или навсегда ослабить путем расчленения. Характерно, что планы расчленения России появились столетия назад. Так, в августе 1828 г. генерал британской армии Джордж де Лейси Эванс опубликовал памфлет под названием «Замыслы России» (другой перевод — «О планах России»). В нем автор предложил самый ранний из детальных планов расчленения Российской им-

Западные схемы российского захвата Западной Европы, которые полностью соответствуют тексту фальшивого Завещания Петра Великого

перии, и именно к этой идее британское правительство вернулось в годы Крымской войны. Эванс выступал за превентивную войну против России, предлагая напасть на ее наиболее уязвимые территории: Польшу, Финляндию, Черное море и Кавказ²⁰. Спустя несколько лет эти идеи начал активно развивать один из самых известных английских русофобов Дэвид Уркварт.

Если в XIX в. западные пропагандисты подчеркивали, что Польша является заслоном на пути экспансионистских замыслов России (и чем

большей «мученицей» представляли они Польшу, тем большей «мучительницей» позиционировалась ими Россия), то в современных условиях роль «мученицы Польши» отведена нацистской Украине, которая представляется Западом оплотом свободы и демократии против «русского деспотизма». Как в XIX столетии западные пропагандисты запугивали обывателя тем, что Россия не остановится на Польше, а пойдет дальше, стремясь завоевать Западную Европу, так и их современные последователи ровно то же самое говорят об Украине:

²⁰ Файджес О. Крым. Последний Крестовый поход. М., 2021. С. 116.

Украина только первая жертва на пути русской агрессии и даже называют даты российского «вторжения», рисуя его схемы в полном соответствии с фальшивым «Завещанием Петра Великого».

Зачастую исследователи отмечают, что в нынешних условиях историческая память конструируется в мире постправды, где эмоции замещают факты, а фейки — новости. На мой взгляд, в деле политической пропаганды и дегуманизации противника данный механизм является очень традиционным. Стилистика тех же «летучих листов» была рассчитана на людей, говоря современным языком, с «клиповым» мышлением, когда человек воспринимает информацию через короткие форматы и яркие эмоциональные образы. Или, например, французы на исходе Наполеоновских войн были настолько обработаны пропагандой, что у них случился когнитивный диссонанс после вступления русской армии в Париж: парижане поверить не могли, что эти галантные офицеры, говорившие на прекрасном фран-

цузском языке, были теми самыми ужасными русскими варварами.

Однако есть и важное отличие современного этапа информационных войн. Если в прежние столетия информационные войны являлись дополнением к боевым действиям, то сейчас они превратились не просто в равноценный, но в более эффективный способ ведения войны. Необходимо четко понимать, что для наших противников информационные войны, включая фальсификацию истории, являются одним из ключевых инструментов глобальной конкуренции. По мере разрастания финансово-экономического и социального кризиса на Западе, успехов Специальной военной операции и интеграционных проектов России, европейские элиты не имеют иного выхода, кроме дальнейшей эскалации антироссийской пропаганды, прежде всего, в области истории.

Запад стремится всеми силами подорвать интеграционные проекты Российской Федерации и дестабилизировать ее внутривосточную ситу-

ацию путем выращивания оппозиции внутри нашей страны и воспитания русофобских элит среди наших соседей, чтобы потом вооружить и бросить свои прокси-войска в бой, обеспечивая многопространственное ведение войны — как непосредственно на поле боя, так в киберпространстве, путем всевозможных санкций, русофобской пропаганды в СМИ, деятельности многочисленных институтов национальной памяти, НКО, образовательных структур.

Историческое пространство становится полем битвы за будущее, поэтому противодействие информационным атакам, активная наступательная тактика, направленная на опережение, на продвижение позитивного образа России, борьба за умы и души является нашей первостепенной задачей. Важнейшее значение имеет деятельность профессионального научного и образовательного исторического сообщества, в том числе по подготовке пророссийски настроенных молодых исследователей в рамках интеграционных проектов России.

Библиография

- Вайнштейн Г.И. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2007. № 1. С. 13 – 23.
- Земцов В.Н. Наполеон в 1812 году: хроника. М.: РОССПЭН, 2022.
- Кюстин А., де. Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с франц. под ред. В. Мильчиной, И. Стаф; под общ. ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной, А. Осповата. М.: ТЕРРА, 2000.
- Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб.: Гиперион, 2004.
- Неменский О. «Чтобы быть Руси без Руси». Украинство как национальный проект // Вопросы национализма. 2011. № 1 (5). С. 77–122.
- Неменский О.Б. Историческая концепция Франтишека Духинского. Часть первая // Вопросы национализма. 2016. № 4 (28). С. 49–65.

Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры [и др.], 2006.

Таньшина Н.П. Русофобия. История изобретения страха. М.: Концептуал, 2023.

Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история: Государство. Цивилизация. Внешний мир. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024.

Файджес О. Крым. Последний Крестовый поход. М.: Rosebud Publishing, 2021.

Филюшкин А. Stéfane Mund, ORBIS RUSSIARUM: Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 559-567.

Cadot Ch. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. Paris: Fayard, 1967.

Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950.

Martin H. La Russie et l'Europe. Paris: Furne, Jouvet et C-ie, Libraires-Editeurs, 1866.

Lettres sur L'Empire de Russie publiées dans le Journal des Débats en 1838 et 1839 par N.-T. Paris, 1840.

Nesselrode Ch., de. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. Paris: A. Lahure, 1904–1912. T. VII.

Vyazemsky P.A. Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du "Journal des Débats", du 4 janvier 1844 // Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. Paris: Fayard, 1967.

Куршева
Галина Александровна,
доктор исторических наук,
профессор, председатель
Регионального отделения
РВИО в Республике Мордовия

Kursheva
Galina Alexandrovna,
Doctor of Historical Sciences,
Head of the Regional
Department of Russian Military
Historical Society in the Republic
of Mordovia

Пахмутова
Елена Даниловна,
кандидат педагогических
наук, доцент, председатель
Регионального отделения
Лиги Преподавателей Высшей
Школы Республики Мордовия.

Pahmutova Elena Danilovna,
Candidate of Pedagogical
Sciences, Associate Professor,
Head of the Regional
Department of the League of
Higher School Teachers of the
Republic of Mordovia

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: PRO ET CONTRA

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PRO ET CONTRA

Аннотация: В статье рассматривается понятие искусственного интеллекта, его потенциал развития в России, представлено современное состояние ИИ в сфере исторического образования и науки. На конкретных примерах анализируются возможности нейросетей (ChatGPT, Perplexity, Textcortex и др.) на занятиях истории, практической деятельности учителя, а также в исследовательских проектах.

Ключевые слова: Искусственный интеллект (ИИ), нейросети, история, историческая наука, педагогика, общественное восприятие

Resume: The article is devoted to the concept of artificial intelligence, its potential and development in Russia, and presents the current AI-state in the historical education and science. On the basis of concrete examples, the possibilities of neural networks (ChatGPT, Perplexity, Textcortex, etc.) in history teaching, practical activities of teachers, as well as in research projects are analyzed.

Keywords: Artificial intelligence (AI), neural networks, history, historical science, pedagogy, public perception

Одним из важных явлений общественной жизни в последние годы становятся нейросети – разновидность машинного обучения, при котором компьютерная программа работает по принципу человеческого мозга, используя различные нейронные связи. В настоящее время их чаще всего используют для анализа больших объемов данных, прогнозирования, сопоставления, классификации и распознавания образов в самых широких сферах научных и социально-экономических исследований — от управления предприятиями и распознавания изображений до прогнозирования международных конфликтов. Сама нейросеть позиционирует себя как «высокоадаптивная система искусственного интеллекта, способная обрабатывать большие объемы данных, находить закономерности и делать предсказания»¹.

С одной стороны, использование нейросетей для анализа исторических событий позволяет «взглянуть на прошлое через призму объективности и статистики, минуя субъективные факторы, такие как предвзятость и эмоциональное восприятие. ИИ не может полноценно понимать контекст и нюансы исторических событий: его анализ опирается на ограниченные данные, часто игнорируя сложные че-

ловеческие мотивации и эмоции»². С другой – разнообразные конкретные исторические источники написаны «исходя из определенных мировоззренческих установок», его нравственность «покороблена почти половиной вопросов»³, и необходимо «этическое регулирование»⁴ при использовании ИИ. К тому же, какими бы сложными математическими моделями (не более 10

Зададимся вопросом: каким образом ИИ может быть использован в сфере науки, сохранения исторической памяти, пропаганды традиционных ценностей, воспитании патриотизма?

млрд. бионейронов) ни были нейросети в своей основе, до вычислительных возможностей человеческого мозга (86 млрд. бионейронов) им пока что очень далеко.

Искусственный интеллект (ИИ) – понятие, введенное английским математиком А. Тьюрингом в 1950 г. – с разной степенью успешности применяется во многих сфе-

рах деятельности: банковская и финансовая сферы, медицина, сельское хозяйство, транспорт, дорожная отрасль, компьютерные игры, образование и пр. В медицине ИИ помогает врачу определить диагноз, записать данные пациента, разработать новые препараты; в сельском хозяйстве – определить и контролировать состояние растений или животных, составить рацион питания, провести инвентаризацию поголовья скота и др.; в транспортной промышленности – создавать программы автопилота машины, системы, способные управлять и поддерживать заданный курс; в бухгалтерии – анализировать большие объемы данных быстрее и точнее человека; в банковской сфере – противодействовать мошенникам с помощью анализа нестандартных действий физических или юридических лиц и обрабатывать документы; прогнозировать загрузку банкоматов, тем самым снижая затраты на инкассацию; в дорожной отрасли – управлять трафиком и контролировать состояние дорог; в финансовой сфере – анализировать рынки, создавать стратегии, составлять прогнозы; в отрасли компьютерных игр – создавать и «оживлять» персонажей.

Доля российских производителей на мировом рынке

¹ ИИ в истории: Уроки прошлого // Статьи нейроблога. URL: <https://mkomov.com/neuroblog/otrasli/ii-v-istorii-uroki-proshlogo/>

² Там же

³ Герасимов Г. И. Уроки истории от искусственного интеллекта // ИсторияРФ: главный исторический портал страны. URL: <https://histrf.ru/read/articles/uroki-istorii-ot-iskusstvennogo-intellekta>

⁴ Миндигулова А. А. Феномен искусственного интеллекта: история возникновения и развития // Социология 2023. – № 5. – С. 242.

Основные функции ИИ в научном письме

ИИ выполняет несколько ключевых задач, полезных для оформления публикаций: генерирует черновики, формулирует тезисы и аннотации, выполняет машинный перевод и лингвистическую корректуру, помогает структурировать статью по требованиям конкретного журнала и проверяет уникальность текста. Комбинация нескольких инструментов даёт лучший результат, чем попытка полагаться на один сервис.

Генерация черновиков

Быстрая подготовка вариантов аннотаций и введений, которые нужно критически редактировать и адаптировать под исследование.

Перевод и корректура

Качественные переводы и языковая правка помогают довести текст до международных стандартов, но требуют проверки терминологии экспертом.

Управление ссылками

Инструменты интегрируются с *Zotero* и *Mendeley* для автоматического форматирования библиографии и ссылок по стилю журнала.

разработок в сфере ИИ пока сравнительно невелика, поскольку для трансформации общественного сознания в сторону большей цифровой зрелости необходимо время, чтобы сформировать устойчивое отношение к ИИ. современный уровень развития ИТ, в т. ч. нейросетей и программирования позволяет надеяться на достижение быстрого прогресса в создании и внедрении ИИ в различные области гуманитарного знания и культуры.

Наиболее популярные российские модели в области ИИ — GPT-4, способная работать не только с текстами на разных языках (как ChatGPT), но и с изображениями (как Midjourney), GigaChat, Kandinsky (ПАО «Сбербанк»), YaLM («Яндекс»), хотя активно используются и другие сервисы (бесплатные версии):

<https://quillbot.com/> — перепарфразирование предложений, текстов, абзацев; обнаружение плагиата, сканирование текста и его сравне-

ние с обширной базой данных источников;

<https://www.perplexity.ai/> — поиск информации, пересказ видео, статей и анализ изображений, выдает ссылку на литературу;

<https://myess.ai/app> — повышение качества эссе с помощью регулярной подробной обратной связи с помощью искусственного интеллекта;

<https://app.textcortex.com/user/dashboard/rewriter?style=paraphrases> — перефразирование текста и др.

<https://gamma.app/> — монтаж презентации, который занимает в 10 раз меньше времени;

https://t.me/kandinsky21_bot (телеграм-канал) — создание высокохудожественных изображений в разных стилях и генерация коротких видео и др.

Остановимся на том, каким образом ИИ может быть использован в сфере науки, сохранения исторической памяти, пропаганды традиционных

ценностей, воспитании патриотизма. Поставить ИИ на службу обществу — это вопрос чисто технологический, но не приведет ли к дегуманизации общества внедрение ИИ в сферу идеологии, образования, межличностных контактов? Что нового ИИ привнесет в развитие общественной морали, повседневного бытия? Как правильно пользоваться ИИ для адекватного формирования горизонтов идеологии будущего?

Уроки истории

По мнению прогрессивных учителей истории, ИИ и нейросети — отличный помощник в обучении, причем как в мотивационном, так и в образовательном плане. Они «не гарантируют 100% качество выдаваемого продукта, <...> являются дополнением к остальным средствам обучения»⁵. Ключевыми аспектами использования нейросетей в образовании выступают: 1. персонализированное обучение, 2. Улучшение доступно-

⁵ Мишенина М. В. Использование нейросетей для повышения мотивации на уроках истории и обществознания // Интерактивная наука. — 2023. — DOI 10.21661/r-561531. URL: https://interactive-science.media/ru/article/561531/discussion_platform

сти образования, 3. анализ и предсказание успеваемости, 4. создание интерактивных учебных материалов, 5. сокращение нагрузки на учителя, 6. подготовка к будущему.

Искусственный интеллект может использоваться на уроках истории для поддержания мотивации цифрового поколения учеников; для повышения интереса к предмету; для налаживания общения с обучающимися на знакомом им языке. Особенно нравятся школьникам: создание изображений исторических личностей в нарисованных или анимационных образах; генерация примеров для нового термина, процесса, явления; использование сервиса «Акинатор» для повторения деятельности различных исторических личностей; создание видео с анимацией лица с фотографии или портрета; использование нейросети Midjourney для отображения различных характеристик городов и другие творческие задания, быстрое создание презентации по оригинальному макету.

Учитель сам решает, что принимать или менять в полученном плане, чем его дополнять. Если машине задать дополнительные вопросы по каждому этапу урока, то будет разработан более детальный ход или сценарий урока по заданной теме. Для проверки знаний и закрепления учебно-

го материала можно использовать элементы игры (игровые эпизоды на компьютерных тренажерах и др.), когда учащиеся азартно переходят от начального до продвинутого уровня⁶.

Основными вариантами внеаудиторных решений являются чат-боты и платформы с расширенным функционалом. Чат-боты предоставляют интегрированные или самостоятельные решения в диалоговой форме и могут помогать с различными форматами вопросов, в том числе отвечать по заранее загруженным файлам⁷.

Несмотря на свои недостатки, нейросети являются помощником как для учащихся, так и для учителя. Так, при составлении плана урока по учебному предмету «История России» педагог может сэкономить на времени, прописав тему, продолжительность урока, наличие/отсутствие интерактивных заданий, домашнего задания. Так, по теме 7 класса «Российское государство в первой трети XVI века» ИИ выдает:

План урока:

1. Вступление (5 минут):
 - a. Приветствие и постановка целей урока.
 - b. Краткий опрос: что учащиеся помнят о предыдущем периоде истории России.
2. Изложение нового материала (15 минут):
 - a. Презентация о ключе-

вых событиях первой трети XVI века.

b. Обсуждение важности формирования централизованного государства.

3. Интерактивное задание (10 минут):

- Работа в парах: создание ментальной карты "Россия в первой трети XVI века".

- Каждая пара выбирает одно ключевое событие и готовит краткое устное сообщение.

4. Анализ исторических источников (10 минут):

- a. Работа с первоисточниками: анализ отрывков из летописей того времени.

- b. Обсуждение, как разные источники освещают события.

5. Заключение (5 минут):

- a. Обсуждение того, как события первой трети XVI века повлияли на дальнейшее развитие России.

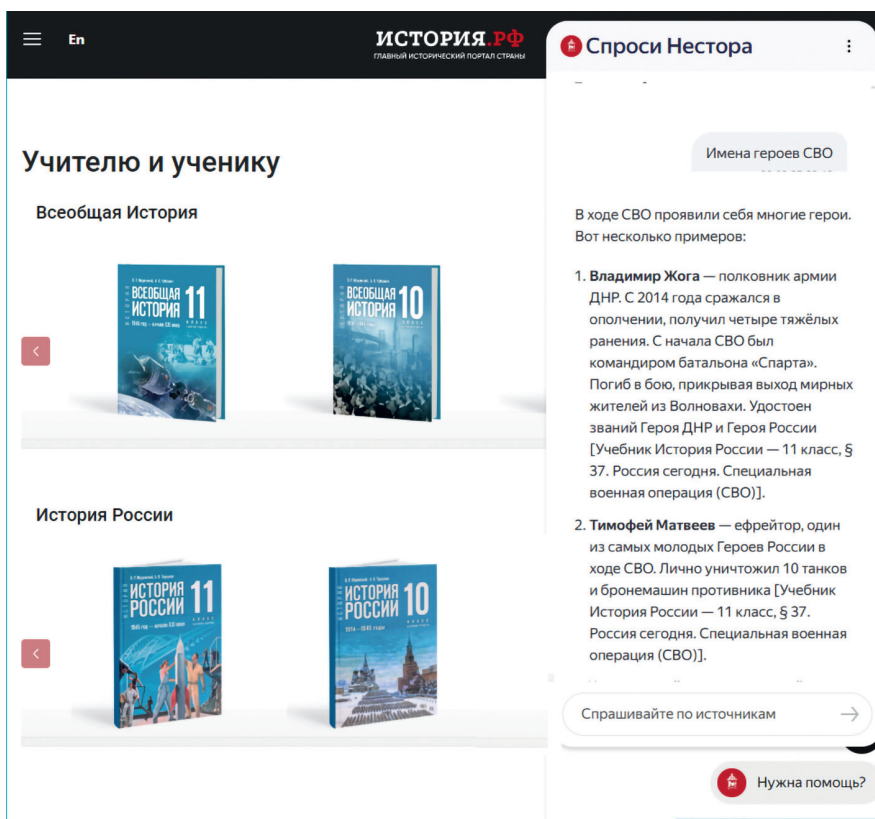
- b. Домашнее задание: написать эссе на тему "Какое событие первой трети XVI века имело наибольшее значение для России и почему?"

Исследовательская деятельность

Существующие ИИ-решения могут быть полезны на разных этапах исследования от создания идеи и поиска

⁶ Есип И. М. Использование искусственного интеллекта при изучении предмета «История» : 5 класс: компьютерная игра-тренажер «В глубь веков за 70 дней». – Симферополь, 2023. – С. 10.

⁷ Искусственный интеллект и образование. – СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2024. – С. 36. – URL: <https://method.gsom.spbu.ru/white-book-ai>

На портале РВИО ИСТОРИЯ.РФ (history.ru) в разделе «Учителю и ученику» собственный ИИ-помощник – Нестор

релевантной литературы до обработки данных: для формирования гипотез, исследовательских вопросов и в качестве источника идей могут быть полезны чат-боты и ментальные карты с поддержкой генеративного ИИ; в составлении литературного обзора помогут поисковые системы на базе ИИ с семантическим анализом академических текстов, которые способны выделять ключевые понятия и паттерны в обширных текстовых массивах; отслеживание взаимосвязи между академическими работами (создание карт с цитированием, оптимизация работы с обработкой

данных по теме, транскрибирование интервью и перевод другой голосовой информации в текстовую с помощью таких решений, как Whisper), упрощая работу с информацией⁸.

Для демонстрации актуального уровня развития ИИ приведем ответы на вопросы по истории «крайне резонансной» (А. А. Миндигулова) программы GPT9. На вопрос об использованных источниках информации по истории России мы получили: «Когда я отвечаю на вопросы по истории России или любой другой теме, я опираюсь на обширную базу данных, которая

была собрана и проанализирована до моего последнего обновления знаний в сентябре 2021 года. Эта база данных включает в себя информацию из книг, научных статей, исторических документов и других образовательных ресурсов. Я также использую различные методы обработки естественного языка, чтобы понимать контекст вопросов и предоставлять точные, информативные и полезные ответы. Если вам нужна самая свежая информация или данные, которые были опубликованы после моего последнего обновления знаний, я рекомендую обратиться к актуальным источникам, таким как официальные веб-сайты, академические журналы или новостные агентства».

Если на часто встречающиеся в глобальной сети темы, связанные с историей России, ИИ дает более-менее развернутую информацию, то на вопросы региональной истории с его помощью исследователи вряд ли найдут ответы. На конкретный вопрос «Назови уроженцев Мордовии, участников Великой Отечественной войны и приведи статистику» мы получаем ответ: «К сожалению, точные имена участников войны из Мордовии мне неизвестны, так как моя база данных ограничена информацией до сентября 2021 года и не содержит полных списков участников войны отдельных регионов». Таким образом, выдаются лишь доступные статистические данные по

⁸ Там же. – С. 37.

⁹ URL: <https://gpt-chatbot.ru/chat-gpt-ot-openai-dlya-generacii-teksta>

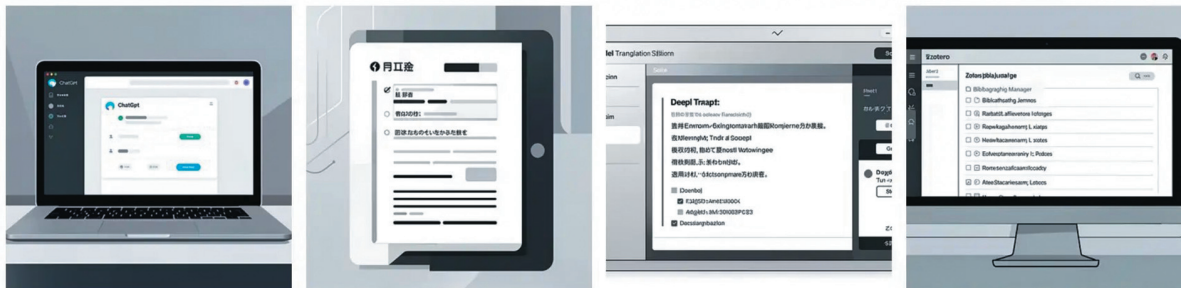
Инструменты ИИ, полезные для оформления публикаций

ChatGPT и аналоги для генерации идей и черновиков;

Grammarly и LanguageTool для языковой корректуры;

DeepL и Yandex Translate для перевода;

Zotero и Mendeley — для управления библиографией и автоматического форматирования ссылок.

Советскому Союзу в целом, отражающие «масштаб трагедии и героизма тех лет» и рекомендация «обратиться в архивы или музеи, которые могут иметь доступ к соответствующим документам и спискам. Также возможно, что существуют специализированные веб-сайты или публикации, посвященные этой теме: например, Государственный архив Республики Мордовия».

На вопрос о причинах этапах и результатах единения мордовского народа с народами многонационального российского государства, ИИ называет три причины (политические: стремление к централизации власти и укреплению государственности; экономические: развитие торговых связей и экономическое сотрудничество; культурные: распространение общерусской культуры и христианства)

и три этапа без всякой конкретики и глубокого погружения в «длительный исторический процесс», отмечая, что важно отметить, что «сохранение уникальности мордовской культуры и языка остается приоритетом в современной России, что отражается в культурной политике и образовательных программах».

Столь же сложной видится для GPT информация о ходе и результатах приватизации предприятий Республики Мордовия, который «как и в других регионах России, начался в 1990-х годах в рамках перехода от плановой экономики к рыночной». ИИ дает универсальный ход приватизации (ваучерная приватизация, продажа акций, аукционы и конкурсы) и её результаты, не забывая о возникавших проблемах (недостаточная прозрачность, коррупция и концентрация собственности в

руках небольшой группы олигархов), но предупреждает, что «для получения актуальной информации о текущем состоянии приватизации предприятий в Республике Мордовия, я рекомендую обратиться к официальным источникам, таким как Министерство экономики Республики Мордовия или другие регулирующие органы. Полезной может быть информация от местных бизнес-ассоциаций и экономических обзоров».

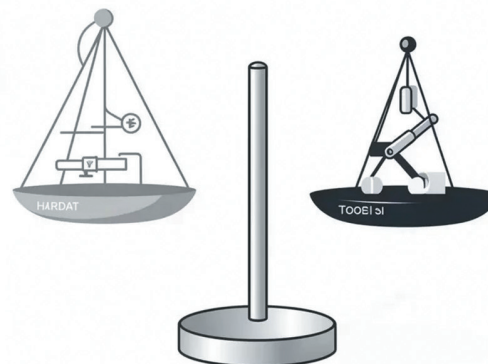
Для исследовательских проектов, в частности, для быстрого ознакомления с большим объемом информации используется ресурс Perplexity, благодаря которому можно найти информацию и сократить ее, а также написать эссе по заданному тексту или источнику. В нашем случае была введена ссылка на pdf-версию книжного издания на сайте НИИГН¹⁰

¹⁰ Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века) / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия ; сост.: В. Д. Кочетков [и др.] ; [ред. совет: В. А. Юрчёнков (пред.) и др. ; редкол.: В. А. Юрчёнков , С. В. Видяйкин (отв. редакторы) и др.]. — Саранск, 2017. — 400 с. — URL: <https://clck.ru/3BSWRE>

Этика и ответственность

Использование ИИ не отменяет авторской ответственности: необходимо раскрывать степень участия инструментов (рекомендации ЮНЕСКО, 2021) и не выдавать полностью сгенерированные тексты за личные результаты. Соблюдение этики помогает избежать плагиата и искажения научных выводов, а также повышает доверие рецензентов и научного сообщества.

 <p>Прозрачность</p> <p>Указывайте, какие разделы готовились с помощью ИИ и как осуществлялась проверка.</p>	 <p>Ответственность</p> <p>Автор несёт ответственность за точность данных и интерпретации.</p>	 <p>Антиплагиат</p> <p>Проверяйте текст на совпадения и корректно оформляйте заимствования.</p>
--	--	---

<http://niign.ru/> и задан следующий запрос написать эссе по информации из книги, доступной по ссылке.

В качестве ответа мы получили от данного ресурса следующий ответ: «*Мордовский фронтир в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века)*» — это научное издание, выпущенное НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. В его составе собраны три писцовые книги Алатырского уезда, датируемые периодом с 1624 по 1626 годы. Эти документы представляют собой важный источник для исследования экономического и социального развития одного из крупных уездов Российского государства начала XVII века. Издание является частью серии «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края. История», которая включает в себя материалы по истории

и культуре Мордовии. В этом издании ученые НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия предлагают исследователям богатую информацию о социальном и экономическом развитии Алатырского уезда в первой четверти XVII века. Составители издания — В. Д. Кочетков, Н. В. Заварюхин, С. В. Видяйкин и М. М. Акчурин — провели тщательную работу по сбору и анализу данных, чтобы представить наиболее полное и достоверное изображение жизни в Алатырском уезде в то время. Они использовали приказную статистику, которая была собрана в период с 1624 по 1626 годы, чтобы получить представление о социальном и экономическом положении населения. В издании содержится обширная информация о социальном и экономическом развитии Алатырского уезда, включая данные о численности насе-

ления, земельных владениях, налогах и других аспектах жизни местных жителей. Это издание является важным ресурсом для историков и социологов, которые интересуются историей и культурой Мордовии. В целом, «*Мордовский фронтир в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века)*» является важным научным изданием, которое предоставляет исследователям богатую информацию о социальном и экономическом развитии Алатырского уезда в первой четверти XVII века. Это издание является результатом тщательной работы ученых НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия и является важным вкладом в науку о истории и культуре Мордовии».

Наряду с этим ресурс предлагает к прочтению ссылки на другие материалы, которые близки к тематике запроса. Более подробное описание

результатов можно посмотреть по ссылке на ресурс¹¹.

Если ресурсу Textcortex¹² предложить перефразировать или дополнить представленное выше эссе, то мы получаем совершенно неузнаваемый текст. Таким образом, становится понятно, почему подобные сервисы так излюблены школьниками и студенчеством, а проверка на Антиплагиат называет подобные тексты подозрительными.

Анализ ответов, связанных с наукой и образовательной сферой, от сервисов ИИ, позволяет сделать следующие выводы:

- Программа ИИ берет за основу значительную базу интернет-ресурсов, публицистической и научной литературы, но доступ к архивам, в том числе региональным существенно ограничен или полностью отсутствует. База источников актуализируется в соответствии с внесением новых знаний, данных, научных гипотез и теоретических построений, однако этот процесс должен быть непрерывным, дабы места для лакун и пробелов в принципе не оставалось. Таким образом, основное наполнение программы несовершенно, а также имеется значительный перекос в сторону широко известных ресурсов.

- Продемонстрированный уровень исторических знаний программы достаточно высок. ИИ владеет основными фактами, некоторыми цифровыми данными, логически четко выделяет причины, этапы и ход исторических явлений либо событий, а также их результаты и следствия. Однако, дета-

На сегодняшний день программа ИИ GPT находится на уровне исторических знаний ученика старших классов средней школы либо абитуриента высшего учебного заведения.

лизированная информация не предоставляется, формулировки выдаются в максимально обобщённом виде. Мы не можем также говорить о том, что проблема рассматривается в конкретике и многообразии различных оценок и точек зрения.

- Программа «жива» и вариативна по своему наполнению. Ответы на один и тот же вопрос, задаваемый многократно, отличаются стилистически так, как отличались бы

ответы разных людей. Следует помнить, что искусственный интеллект является инструментом, а не полностью заменяет аналитические способности человека. При правильной формулировке задачи потенциал ИИ может «изменить качество и характер образования»¹³, но для этого нужно инвестировать в специалистов, занимающихся машинным обучением, компьютерным зрением и обработкой естественного языка, а также в преподавателей этих дисциплин¹⁴.

- На сегодняшний день программа ИИ GPT находится на уровне исторических знаний ученика старших классов средней школы либо абитуриента высшего учебного заведения. Ценность предоставляемой информации для научных исследований и разработок минимальна, поскольку используемая общедоступная источниковая база – не оригинальна, ответы – обтекаемы и неконкретны. Недостатком является отсутствие ссылок на источник информации. Однако, предоставляемый программой объем исторических данных пригоден для подготовки к урокам, написанию научно-популярных докладов и рефератов школьниками и в меньшей степени готовящимся к поступлению абиту-

¹¹ Результат запроса в сервисе Perplexity. – URL: <https://clck.ru/3BSWSb>

¹² Textcortex. – URL: <https://app.textcortex.com/user/dashboard/rewriter?style=paraphrases>

¹³ Есип И. М. Использование искусственного интеллекта при изучении предмета «История» : 5 класс: компьютерная игра-тренажер «В глубь веков за 70 дней». – Симферополь, 2023. – 248 с. – ISBN 978-5-907656-46-8.

¹⁴ Искусственный интеллект в России: перспективы и препятствия // БИТ. Бизнес & информационные технологии: Спецпредложение журнала «Системный администратор». URL: <https://bit.samag.ru/uart/more/74>; Пахмутова Е. Д., Лаптева И. В., Ивлева А. Ю. Релевантность использования нейросетей в гуманитарных практиках: риски и перспективы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2025. – № 2. – С. 28.

риентам только при условии обратной связи с педагогом-наставником.

• Вместе с тем очевидно, что существуют варианты программ ИИ, которые адаптированы к педагогической и исследовательской работе и способны к логическим сопо-

ставлениям, обобщениям при планировании урочной и внеурочной деятельности, генерированию нового текста на основании имеющихся фрагментов, к разработке игровых заданий. Это открывает перспективы для дальнейшего совершенствования ИИ в

данном направлении, которое возможно только при разумном сочетании традиционных методов исторической науки и новейших технологий ИИ – инструмента, не способного полностью заменить аналитические способности человека.

Список литературы

Герасимов Г. И. Уроки истории от искусственного интеллекта <https://histrf.ru/read/articles/uroki-istorii-ot-iskusstvennogo-intellekta>

ИИ в истории: Уроки прошлого // Статьи нейроблога. URL: <https://mkomov.com/neuroblog/otrasli/ii-v-istorii-uroki-proshlogo/>

Есип И. М. Использование искусственного интеллекта при изучении предмета «История»: 5 класс: компьютерная игра-тренажер «В глубь веков за 70 дней». – Симферополь, 2023. – 248 с. – ISBN 978-5-907656-46-8.

Искусственный интеллект в России: перспективы и препятствия // БИТ. Бизнес & информационные технологии: спецпредложение журнала «Системный администратор». – URL: <https://bit.samag.ru/uart/more/74>

Искусственный интеллект и образование. – СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2024. – URL: <https://method.gsom.spbu.ru/white-book-ai>

Миндигулова А. А. Феномен искусственного интеллекта: история возникновения и развития // Социология. 2023. – № 5. – С. 239–244.

Мишенина М. В. Использование нейросетей для повышения мотивации на уроках истории и обществознания // Интерактивная наука. – 2023. – С. 40–43. – ISSN 2414-9411. – DOI 10.21661/r-561531. https://interactive-science.media/ru/article/561531/discussion_platform

Пахмутова Е. Д., Лаптева И. В., Ивлева А. Ю. Релевантность использования нейросетей в гуманитарных практиках: риски и перспективы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2025. – № 2. – С. 21–29.

Холмс У., Бялик М., Фейдел Ч. Искусственный интеллект в образовании: перспективы и проблемы для преподавания и обучения / Пер. с англ. М: Альпина ПРО, 2022. – 304 с.

Дорофеев Иван Федорович,
Специалист отдела
выставочной и военно-
исторической работы АНО
«ЕЦ «Авангард», член РВИО

Dorofeev Ivan Fedorovich,
Specialist of the Exhibition and
Military History Department
at the Avangard Center for
Best Practices, Member of the
Russian Military History Society

ОТСТАИВАЯ НАЦИОНАЛЬНУЮ ВЕРСИЮ ТРАКТОВКИ ИСТОРИИ

DEFENDING THE NATIONAL VERSION OF THE INTERPRETATION OF HISTORY

Аннотация:

Статья посвящена кризису современной модели исторической политики в России. Показано, что доминирующий монументальный нарратив проигрывает на «рынке идентичностей» альтернативным версиям прошлого (от конспирологии до жанра «попаданчества») из-за недостаточной драматургической проработки.

Отдельное внимание уделено работе с «травматичными узлами» прошлого, которые при отсутствии рефлексии становятся ресурсом для внешних информационных атак.

Ключевые слова:

историческая политика, нарратив, память, национальная идентичность, идеология, патриотизм, травма, public history, информационная война.

Abstract:

The article examines the crisis of the current model of historical politics in Russia. It shows that the dominant monumental narrative is losing to alternative versions of the past (from conspiracy theories to the "isekai" genre) on the "identity market" due to insufficient dramaturgical refinement.

Special attention is paid to dealing with "traumatic knots" of the past, which, in the absence of reflection, become a resource for external information attacks.

Keywords:

historical politics, narrative, memory, national identity, ideology, patriotism, trauma, public history, information warfare.

Сегодняшний «рынок идентичностей» перенасыщен предложениями. Официальная история проигрывает на нём не столько вражеской пропаганде, сколько собственной слабой драматургической

оформленности. Государство, безусловно, предьявляет веренный смысловой каркас – набор ценностных скреп, исторических вех и ритуальных формул. Однако этого каркаса недостаточно для

живого, эмоционально вовлекающего повествования. В массовом сознании он часто воспринимается не как связанная история, а как россыпь обязательных к цитированию тезисов, лишённых внутрен-

него конфликта и развития¹. И именно в эту смысловую лагуну жадно впитываются альтернативные концепции – от конспирологических теорий до жанра «попаданчества»² и ревизионизма «немогликов». Феноменальный успех этих версий – не свидетельство массового помешательства, а симптом глубинного дефицита смысла, который не может утолить нынешняя модель исторического просвещения, делающая ставку на монументальность, а не на драматургию.

Этот кризис спроса и предложения подтверждается эмпирически. Социологические замеры фиксируют тревожный парадокс, который можно назвать «симулякром патриотизма»: высокие декларативные показатели любви к Родине и интереса к её прошлому сочетаются с катастрофически низким уровнем конкретных исторических знаний (53% опрошенных имеют общее представление, 11% – хорошее, 30% – плохое)³. Причём вопрос стоит даже острее: какую именно историю знают

те, кто считает, что знает её? Зачастую это фрагментарный набор мемов, клиповых образов и сомнительных сенсаций, не имеющий отношения к научной картине прошлого⁴.

Почему же люди вообще тянутся к истории? Как показал психолог Виктор Франкл, базовая мотивация человека – «воля к смыслу»⁵. История всегда была одним из главенствующих «текстов» культуры, пространством, где человек обретает идентичность через включение себя в традицию⁶. Более того, история даёт инструмент совладания с реальностью: способность вписать личную жизнь в более широкий исторический контекст. Обоснованное историческим опытом «бывало и хуже, и это пережили» – снижает остроту стресса и повышает психологическую устойчивость⁷. Историческое знание работает как база прецедентов, своего рода «копинг-нарратив». Когда государство предлагает гражданину связную и честную историю, оно предлагает ему не только гордость и идентичность, но и эмоцио-

нальный ресурс для проживания текущих трудностей.

Запрос на единый исторический сюжет колоссален. Согласно опросам ВЦИОМ, почти три четверти респондентов (71%) уверены в необходимости отстаивать национальную версию трактовки истории, причём большинство из них (37%) выступают за жёсткое противодействие чуждым интерпретациям⁸. Общество, казалось бы, требует единого канона и даже государственной монополии на него. Однако здесь мы сталкиваемся с ключевым противоречием. Весьма вероятно, что эти три четверти, призывающие отстаивать «национальную версию», подразумевают под ней совершенно разные, часто несовместимые друг с другом трактовки⁹. Единый по форме запрос оборачивается глубокой внутренней фрагментацией содержания.

Чтобы понять, почему возврат к монопольному нарративу невозможен, полезно обратиться к различению, предложенному Яном Ассманом: «холодная» стратегия

¹ Белов С.И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 5. С. 31

² Латов Ю. В. Парадоксы российской «попаданческой» фантастики // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 120.

³ Бараш Р.Э. Историческая память и историческая компетентность россиян: социологическое измерение // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 96

⁴ Баранов А. В., Касьянов В. В., Самыгин П. С. Историческая память в российском обществе: основные проблемы формирования в контексте реализации государственной политики в области исторического просвещения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 17.

⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.68.

⁶ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С.212

⁷ Simonenko N.P. History as Therapy: A Novel Interdisciplinary Framework for Meaning-making and Well-being // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2026. Vol. 60, article number 4.

⁸ Бараш Р.Э. Историческая память и историческая компетентность россиян: социологическое измерение // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 98

⁹ ВЦИОМ. Национальная идея: единство в разночтениях : пресс-выпуск № 5321 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2024. 15 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnaja-ideja-edinstvo-v-raznochtenijakh> (дата обращения: 15.06.2026).

памяти стремится заморозить смыслы и создать монументальный канон, «горячая» – делает прошлое фактом живого эмоционального опыта¹⁰. Советская система исторической политики 1930-х годов была парадоксально эффективна¹¹: она сочетала холодный институт (монополию на истину, запрет альтернатив) с горячей формой (эмоционально заряженной драматургией, героическим эпосом). Можно сказать, что монополия на смыслы работала на трагико-эпический характер исторического нарратива¹². Сегодня, после дезинтеграции советского мнемонического режима, вернуться к «холодному институту» крайне затруднительно, как минимум потому, что современная история тяготеет к иронии, несовместимой с монополией¹³. Кроме того, само развитие человечества подтачивает возможность такой монополии – интернет превратил человека из пассивного получателя истины в субъекта, привыкшего к альтернативам и обоснованиям.

Конструктивный выход – не отказ от государственной политики памяти, а смена её модели: переход от попыток построить единственно правильный нарратив к сознательному конструированию и модерации пула конкурирующих нарративов. Речь об использовании естественного

преимущества государства на собственном смысловом рынке. Предлагаемая модель полностью укладывается в конституционный принцип идеологического разнообразия. Государство не присваивает себе право определять, какая версия истории истинна, а какая – нет. Но оно вправе – и обязано – поддерживать те стратегии осмысления прошлого, которые укрепляют ценностный каркас общества. Это не цензура, а реализация преимуществ, которыми государство объективно располагает как крупнейший субъект культурной и образовательной политики. Такая стратегия позволяет купировать еще одну угрозу – развитие исторической науки неизбежно корректирует или опровергает отдельные построения. В модели единого канона это ведёт к кризису легитимно-

сти всего официального понимания прошлого. В модели пула – к штатной ротации: одни нарративы пересматриваются или отходят на второй план, другие, опирающиеся на более прочный фактический фундамент, удерживают смысловое поле

Такая модель требует разделения труда, которое можно назвать «нарративной архитектурой». Академический цех (историки, архивисты, археологи) добывает верифицированные «стройматериалы» – факты, документы, источниковедческую критику. Архитектурно-проектный цех (специалисты по public history, сценаристы, режиссёры, педагоги-методисты) создаёт из этих материалов эмоционально вовлекающие, конкурентоспособные форматы – от учебников до иммерсивных выставок и исторических

¹⁰ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С.78.

¹¹ Тихонов В. В. Полезное прошлое: История в сталинском СССР. — М.: Новое литературное обозрение, 2024., С.5

¹² Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — С.56.

¹³ Там же. С.14.

игр. Государство выступает заказчиком и модератором: оно определяет ценностное ядро (например, суверенитет, преемственность, уважение к подвигу предков), финансирует проекты, но не утверждает «единственно верную интонацию».

Из этого следует принцип, которым часто пренебрегают – нарративная дисциплина. Если ценностное ядро заявлено, государство обязано соблюдать его в собственных проектах. Профанация подвига предков в фильме, снятом на государственные деньги, бьёт по ценностному ядру сильнее, чем самый изощрённый внешний пропагандист. Речь не о запрете такого кино как жанра – но о том, что оно не должно получать государственную поддержку и становиться частью официально поощряемого пула интерпретаций прошлого.

Важный вопрос: а как вообще оценить, что вложенные средства и усилия сработали? Особенность исторической политики в том, что её подлинный результат проявится не сразу. Но управленческий цикл требует измеримых показателей уже сейчас. Традиционные метрики – доля патриотов по опросам, формальное знание дат – не просто бесполезны, а вредны: выученные даты не говорят о понимании истории как процесса, а люди давно привыкли давать социально одобряемые ответы на

опросы. Такие метрики лишь создают иллюзию контроля, поощряя всё тот же «симулякр патриотизма».

Необходим переход от измерения деклараций к изменению поведения. Вот предлагаемые метрики: глубина добровольного погружения (среднее время просмотра контента без принуждения, переход ко второй и третьей сериям, а не клиповый скроллинг); поведенческий отклик (поиск дополнительной информации, спонтанные обсуждения в социальных сетях); «защитное поведение» как показатель присвоения. Если зритель, не вспомнив точной даты, уверенно опознаёт грубую фальсификацию в вирусном ролике и не становится её ретранслятором – значит, у него сформирован исторический иммунитет. Современные площадки для просмотра контента предоставляют возможности таких метрик. Независимые от государства цифровые площадки могут служить для дополнительной верификации. Наконец, главной метрикой сегодня является создание самостоятельного контента – «эдитов», обсуждений, форумов, самостоятельных произведений на тему. Гражданин перестаёт быть объектом воздействия. Если продукт произвел на него впечатление он, зачастую, добровольно становится его ретранслятором. Именно количество таких

«ретрансляций» исходного продукта является наиболее достоверной метрикой.

Главным препятствием на пути к построению модели конкурентного пула остаются травматичные, непроработанные узлы нашей истории. Например, опрос проведенный к 35-летию референдума о сохранении СССР ВЦИОМ зафиксировал: 57% россиян сожалеют о распаде Советского Союза, 61% поддержали бы его восстановление на гипотетическом референдуме¹⁴. При этом лишь 2% респондентов признают ответственность «народа, людей, населения», а 33% затруднились назвать виновных – и это преимущественно молодёжь, для которой распад СССР уже не личный опыт, а «история». Перед нами «замороженная травма»: интенсивность переживания медленно снижается, но она не переработана в связный нарратив, способный стать ресурсом для мобилизации. Вместо исцеления – вытеснение, чреватое утратой самого материала для рефлексии.

Нежелание государства и общества касаться болезненных событий вполне понятно. Но есть объективная реальность, которую нельзя игнорировать: с этими темами всё равно работают, например иностранные институты изучения истории или лидеры общественного мнения¹⁵. В современной информационной

¹⁴ ВЦИОМ. Back in USSR : 35 лет со дня референдума о сохранении СССР : аналитический обзор. М., 2026. 16 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/back-in-ussr>

¹⁵ Зубанова Л. Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 46.

войне травма – это ресурс. Мы либо нарративизируем её сами, превращая в прививку и мобилизационный потенциал («мы пережили, осознали, стали сильнее»), либо с травмой будет работать наш противник, превратив болезненное прошлое в оружие против нас¹⁶.

Работа с трудным прошлым – это не покаяние и не самобичевание. Это захват контроля над собственной историей. Устойчивый пул нарративов невозможен без включения

в него травматического/интегративного нарратива – честного, без «назначенных виноватых», но и без самоуничужения. Именно здесь честность перестаёт быть морализаторским пожеланием и становится единственно возможной прагматичной стратегией. Без неё любое здание смысла, каким бы величественным оно ни казалось, останется уязвимым для тех, кто строит на наших травмах свою политику.

Итогом этой логики стано-

вится простой выбор. Мы можем продолжать имитировать обладание единой и непогрешимой истиной, наблюдая, как наша аудитория утекает к создателям простых и «горячих» мифов. Или мы можем принять реальность, в которой человек имеет право выбирать из нескольких, по-разному расставляющих акценты, версий прошлого. Сделать историю не сводом мёртвых дат и монументов, а живым, дышащим и конкурентоспособным сюжетом.

Библиография

Simonenko N. P. History as Therapy: A Novel Interdisciplinary Framework for Meaning-making and Well-being // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2026. Vol. 60, article number 4.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.

Баранов А. В., Касьянов В. В., Самыгин П. С. Историческая память в российском обществе: основные проблемы формирования в контексте реализации государственной политики в области исторического просвещения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 2 (83). С. 9–19.

Белов С.И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 5. С. 27–32

ВЦИОМ. Национальная идея: единство в разночтениях : пресс-выпуск № 5321 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2024. 15 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnaja-ideja-edinstvo-v-raznochtenijakh> (дата обращения: 15.06.2026).

Зубанова Л. Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 44–54.

Ковалева Ю. В., Соснин В. А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1 (5). С. 119–142.

Латов Ю. В. Парадоксы российской «попаданческой» фантастики // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 117–128.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. 464 с.

Тихонов В.В. Полезное прошлое: История в сталинском СССР. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 368 с

Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитонова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 527 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.

¹⁶ Ковалева Ю. В., Соснин В. А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1 (5). С. 125.

КАРКАС ЭПОХИ: ОТ ЗДАНИЙ ДО ИДЕЙ

Атаев Артур Викторович,
кандидат политических
наук, доцент кафедры
общегуманитарных дисциплин
МГИК

Ataev Artur Viktorovich,
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of General
Humanitarian Disciplines of
the Moscow State Institute of
Culture

**Сидоров
Дмитрий Сергеевич,**
и.о. ректора Московского
государственного института
культуры, кандидат
педагогических наук,
заслуженный работник
культуры Луганской Народной
Республики, ветеран боевых
действий

Sidorov Dmitry Sergeevich,
Acting Rector of the Moscow
State Institute of Culture,
Candidate of Pedagogical
Sciences, Honored Worker of
Culture of the Lugansk People's
Republic, combat veteran

АНСАМБЛЬ ПЕРВОГО ВОЕННОГО ГОСПИТАЛЯ В МОСКВЕ (XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.): ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

THE ENSEMBLE OF THE FIRST MILITARY HOSPITAL IN MOSCOW (XVIII – EARLY XIX CENTURIES): HISTORICAL, ARCHITECTURAL AND INSTITUTIONAL ANALYSIS

Аннотация: В статье рассматривается история формирования и архитектурно-градостроительная эволюция ансамбля Первого военного госпиталя в Москве (XVIII – начало XIX вв.) как одного из первых в России примеров институционализации

Abstract: The article examines the history of the formation and architectural and urban development of the ensemble of the First Military Hospital in Moscow (XVIII – early XIX centuries) as one of the first examples of the institutionalization of state military medicine in

государственной военной медицины. Особое внимание уделяется роли комплекса в системе военно-медицинского обеспечения армии, его архитектурным трансформациям в эпоху классицизма, а также сосуществованию военной и гражданской моделей здравоохранения на примере Александровской общины сестёр милосердия.

Ключевые слова: Первый военный госпиталь, военная медицина, архитектурный ансамбль, история Москвы, классицизм.

Ансамбль Первого военного госпиталя, расположенный на Госпитальной площади в Москве (район Лефортово и Басманный), представляет собой один из наиболее значимых историко-медицинских и архитектурно-градостроительных комплексов XVIII–XIX веков. Его формирование связано с созданием в 1706 году первого в России государственного медицинского учреждения — «Военной госпитали», учреждённой по указу Петра I [4].

Учреждение госпиталя стало частью масштабной реформаторской политики Петра I, направленной на институционализацию медицины и создание системы военно-медицинского обеспечения армии.

Становление военной медицины в петровскую эпоху и развитие комплекса в XVIII–XIX веках

Создание Московского госпиталя было обусловлено потребностями Северной войны (1700–1721 гг.), в ходе которой возникла необходимость системного лечения раненых

Russia. Special attention is paid to the role of the complex in the military medical support system of the army, its architectural transformations in the era of classicism, as well as the coexistence of military and civilian models of healthcare using the example of the Alexander Community of Sisters of Mercy.

Keywords: First Military Hospital, military medicine, architectural ensemble, history of Moscow, classicism.

военнослужащих.

Петровские реформы заложили основы государственной военной медицины, включая:

- создание стационарных госпиталей;
- формирование корпуса военных врачей;
- развитие хирургии как прикладной дисциплины;
- организацию медицинского образования [3].

Московский госпиталь стал центром апробации этих нововведений и прообразом будущей военно-медицинской

службы Российской империи.

Первоначальные здания госпиталя были уничтожены пожаром 1737 года. Новый этап строительства связан с визитом императора Павла I, по распоряжению которого в 1797–1802 гг. по проекту архитектора И.В. Еготова был возведён новый главный корпус госпиталя [1].

В 1825 году центральное здание было объединено с боковыми флигелями (арх. И.В. Голицын), что сформировало протяжённый архитектурный

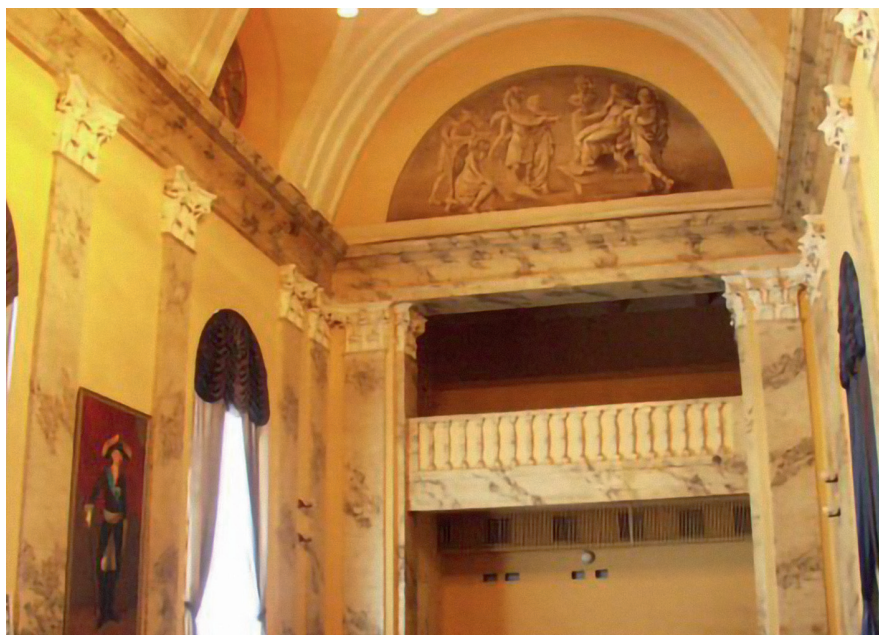
объём вдоль Госпитальной улицы.

В 1830-е годы вне территории госпиталя были построены три двухэтажных здания для служащих — вероятные госпитальные казармы. Комплекс впервые фиксируется на карте Москвы 1852 года (Атлас А. Хотева), тогда как на карте 1848 года он отсутствует, что позволяет уточнить

датировку формирования ансамбля.

Дополнительными архитектурно-строительными признаками являются:

- тычковая система кирпичной кладки (1810–1840-е гг.);
- клейма «ФИ» на кирпичах (характерны для 1830-х гг.) [1].

Архитектурно-градостроительная структура ансамбля и госпиталь в системе военной истории России

Ансамбль формирует устойчивую пространственную структуру Госпитальной площади, ограниченной Госпитальной улицей, Солдатской улицей и Госпитальным валом.

Архитектура комплекса выполнена в стиле классицизма, который отражал идеологию рационального государства и имперского порядка.

Его основные черты:

- симметрия и регулярность планировки;
- протяжённые фасады;
- минимализация декоративных элементов.

Особое значение имеет ансамбль жилых корпусов вдоль Госпитального вала, объединённых каменной арочной оградой. Это один из редких примеров типовой служебной застройки Москвы эпохи классицизма.

На протяжении XVIII–XIX вв. Московский военный госпиталь играл важную роль в обеспечении армии медицинской помощью.

Особо значимые этапы:

- Отечественная война 1812 года (массовый приём раненых после Бородинского сражения);
- русско-турецкие войны XVIII–XIX вв.;
- развитие военно-полевой хирургии в XIX веке [4].

Таким образом, госпиталь выступал не только лечебным,

но и стратегическим военным институтом.

**Александровская община
и развитие гражданской
медицины
и трансформация
в XX–XXI вв.**

Во второй половине XIX века на территории комплекса сформировалась Александровская община сестёр милосердия «Утоли моя печали», связанная с деятельностью княгини Н.Б. Шаховской и покровительством императрицы Александры Фёдоровны.

В состав комплекса входили:

- особняк Н.Б. Шаховской (1872 г.);
- трёхэтажный больничный корпус (1875 г.), перестроенный архитектором М.Д. Быковским;
- храм «Обновления храма Воскресения Христова» (1903 г.) [1].

Община выполняла функции: медицинской помощи на-

селению; подготовки сестёр милосердия; развития благотворительных практик.

Таким образом, на территории Госпитальной площади сосуществовали военная и гражданская модели медицины.

В советский период структура площади была изменена: прокладка улицы Госпитальной Вал нарушила первоначальную замкнутость ансамбля, но не уничтожила его композиционное ядро.

Часть исторической застройки вошла в состав Городской клинической больницы № 29 им. Н.Э. Баумана. Сегодня комплекс также связан с Главным военным госпиталем им. Н.Н. Бурденко.

Ряд объектов ансамбля в настоящее время находится в стадии реставрации.

Заключение

Ансамбль Первого военного госпиталя представляет собой уникальный историко-инсти-

туциональный комплекс, отражающий ключевые процессы модернизации России XVIII–XIX вв.: становление государственной медицины, развитие военной инфраструктуры, распространение классицизма как идеологического языка империи и формирование регулярной городской структуры Москвы.

Его значение выходит за рамки локального памятника, поскольку он является одним из первых примеров институционализации медицины как государственной функции. Архитектурная организация комплекса отражает принципы рационального государства, где порядок и функциональность становятся пространственным выражением власти.

Существование военного госпиталя и Александровской общины сестёр милосердия демонстрирует переход от узко военной модели медицины к расширенной социальной системе здравоохранения.

Список литературы

1. Атлас Москвы А. Хотева. — М., 1852.
2. Найденов Н. А. Москва. Соборы, монастыри и церкви. Альбом фотографий. — М., 1910.
3. Очерки истории военной медицины России / под ред. А.А. Баранова. — М.: Воениздат, 2006. — 512 с.
4. Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. Т. I. Становление военной медицины России. Кн. 1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX столетия / под ред. Н.Л. Крылова, В.М. Ключева, И.Б. Максимова. — М.: 2010. — 435 с.

**РОССИЙСКОЕ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЯ.РФ

Общественно-политический журнал
«Идеология будущего» №21, июнь 2026 г.
Учредитель и издатель: Общественно-государственная организация
«Российское военно-историческое общество».
Главный редактор: Таньшина Н.П.
Не для распространения через предприятия связи.
Дата выхода в свет: 10 июня 2026 г.

Тираж: 500 экз.

Бесплатно.

Адрес редакции и издателя: 107031, Москва, Петровский пер., д. 6 с.1.

Отпечатано: ООО «МЕДИАКОЛОР»,
127273, город Москва, пр. Сигнальный, д. 19, с. 1.

16+. СМИ зарегистрировано: Роскомнадзор.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-84933 от 21 марта 2023 г